

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 3 (7)

2000

КАТЫНЬ - 60 ЛЕТ СПУСТЯ:

Помяновский, Чапский, Ярузельский

Наталья Горбаневская Польские отголоски

Барбара Лабуда О парижской «Культуре»

НАШИ ЛЮДИ: Профессор Подгайская

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКОЙ РУССОФОБИИ

Анджей Романовский СИБИРЬ И ПОЛЯКИ

Яцек Возняковскиийский О воспитании

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

В НОВЫЙ ВЕК - С НОВОЙ ПОЛЬШЕЙ

На наш журнал можно подписываться
на любой срок, переводя соответствующую сумму
на счет:

Biblioteka Narodowa,
Bank Handlowy S.A. I O/Warszawa
№ 10301016-03327001.

Цена подписки:

в Польше:

квартал: 15 злотых,
полугоды – 30 злотых;
год – 60 злотых;

зарубежной:

квартал: 15 ам. долларов,
полугоды – 30 ам. долларов;
год – 60 ам. долларов,

информация о подписке для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв. 49
тел. 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 3(7)

2000

МАРТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Ежи Помяновский ЭТА ГОДОВЩИНА	3
	Юзеф Чапский БЕСЧЕЛОВЕЧЬЕ (Фрагменты)	6
	КАТЫНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ	9
	Войцех Ярузельский ВЫРВАТЬ ИСТИНУ	11
	Заявление российских правозащитников ОГЛЯНИСЬ В РАСКАЯНЬИ	13
	Наталья Горбаневская ПОЛЬСКИЕ ОТГОЛОСКИ	14
	Барбара Лабуда ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЕГЕНДУ	29
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	33
	НАШИ ЛЮДИ <i>С проф. Анной Подгайской беседует Агнешка Федорчик</i> «НЕ ОПУСКАЙ РУКИ, А ТО УПАДЕШЬ»	40
	Анджей Романовский СИБИРЬ И ПОЛЯКИ	45
	Лешек Шаруга ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	49
	Веслав Кот НАСТУПЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	52
	Адам Кшеминский ХАННА КРАЛЬ в германском списке бестселлеров	53

Янина Куманецкая 57
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКОЙ РУССОФОБИИ 59

СКОНЧАЛСЯ КАЗИМЕЖ БРАНДЫС 61

БЕСЕДЫ К КОНЦУ ВЕКА
Яцек Возняковский 62
О ВОСПИТАНИИ

Переводчики: А.Базилевский, Н.Горбаневская, Э. Марчикевич
А. Пустынцева, Е. Редлих, С. Тонконогова, С. Филипчак, Е. Шиманская.

Фото ©: Marek Wojciech Druszcz стр. 61, Grzegorz Kozakiewicz (Tygodnik Powszechny) стр. 62, Karol Mikula (Wprost) стр. 52, Michał Mutor (Gazeta Wyborcza) стр. 40, Grzegorz Przebinda стр. 28, Andrzej Rybczyński (PAP/CAF) стр. 29, Przemek Wierzchowski (PAP/CAF) стр. 53.

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Анджей Щипёрский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Главный редактор

Ежи Помяновский

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Кристина Пашек

(секретариат)

Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих

(зам. главного редактора)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Графика, макет и верстка

Кайа Солецка
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
00-973 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
00-973 Варшава
телефоны:

(0-22) 608 27 95
608 26 65

факс:

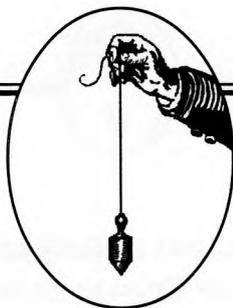
608 25 05
608 27 96

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Издатель

**BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Ежи Помяновский

ЭТА ГОДОВЩИНА

В годовщину катынского преступления мы публикуем небольшую подборку документов не затем, чтобы сыпать соль на раны, и уж заведомо не затем, чтобы язвить этим напоминанием сегодняшних российских граждан: прошло 60 лет, на нынешних поколениях эта вина не лежит, и почти наверняка нет в живых никого из исполнителей резолюции политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

Да, именно во исполнение этой резолюции были убиты, по скрупулезным учетным данным НКВД, 21 857 польских военнопленных и заключенных, в т.ч. 4421 офицер из числа интернированных в Козельске, 3820 — в Старобельске и 6311 полицейских и пограничников из лагеря в Осташкове. Первые лежат в Катыни под Смоленском, вторые — в Пятихатках под Харьковом, третьи — в Медном под Тверью. Но мы отнюдь не считаем, что польские страдания горше и больше других. В Куропатах под Минском лежит в десять раз больше белорусов и других расстрелянных, а такие массовые могилы на территории бывшего СССР — в каждой области, и зачастую по несколько. В Пятихатках в общих рвах — больше русских и украинцев, чем поляков. Другое дело, что поляки лежат в мундирах, а по существу и военнопленными они не были, так как Польша не объявляла войны Советскому Союзу в сентябре 1939 г., рассчитывая на совсем еще недавний договор о ненападении. Но она подверглась советскому нападению в то самое время, когда вела неравные бои с тем же самым гитлеровским агрессором, который два года спустя напал на СССР, а в то время был его союзником и соучастником.

Безусловно, на счету большевиков несравненно большее число жертв и актов вероломства. Есть, однако, причины, которые превращают катынское дело в совершенно особый случай.

Во-первых, не было другого преступления против другой нации, которое бы так старательно скрывали — то молчанием, то ложью, — как катынское. Прежде всего отказывались предоставить какие бы то ни было сведения семьям военнопленных: последние письма, полученные от них, были датированы — внимание! — мартом 1940 года. Потом, после 22 июня 1941 г., когда Польша из злейшего врага вдруг стала желанным союзником СССР, когда из сотен тысяч эков и ссыльных должна была создаваться польская армия, — польское командование сбивали с толку известиями, что офицерские кадры задерживаются, потому, мол, что они далеко — на Земле Франца Иосифа, в запо-

лярных льдах. А когда немцы в 1943 г. обнаружили и вскрыли катынские могилы, советская пропаганда — от Кремля до последней стенгазеты — принялась твердить, что поляки из всех трех лагерей оказались в Катыни, т.е. на западе страны, и там попали в руки гитлеровцев. После освобождения от немцев Смоленской области устроили экспертизу, для составления которой использовали самого проф. Бурденко и его сотрудников: она должна была доказать, что массовые расстрелы происходили не весной 1940-го, а осенью 1941 г., т.е. уже после захвата немцами Смоленска. Вещественные доказательства были немногочисленны, да и те откровенно сфабрикованы, зато число жертв завышено, чтобы никто и не вздумал искать военнопленных из Старобельска и Осташкова, давно уже зарытых в других местах.

В эти доказательства, однако, поверили многие, в том числе и среди поляков, находившихся в СССР и, стало быть, отрезанных от других источников информации. Пишущий эти слова с горечью признаётся, что и он принадлежал к тем, кто принял эту версию за чистую монету. Размах других гитлеровских преступлений был вопиюще очевиден, и в ум не вмещалось, что Сталину настолько не хватило разума, чтобы накануне войны уничтожить элиту вражеского союзника. Эта логика сегодня вызывает сожаление и стыд: уничтожил же Сталин элиту собственного народа. Отрезвление принесли факты: советский отказ допустить к расследованию Международный Красный Крест, известие, что в немецких лагерях польские военнопленные в основном выжили. Наконец, и Нюрнбергский трибунал не принял советскую версию, не возложил вину за Катынь на немецких военных преступников, а Н. Д. Зоря, помощник прокурора Руденко, покончил жизнь в Нюрнберге загадочным «самоубийством», став одним из первых отважных и жертвенных свидетелей обвинения по делу о большевистской лжи.

На Западе правду хоть и знали, но замалчивали, чтобы не компрометировать восточного союзника, а после войны — ялтинский раздел Европы. Дезинформация не прекратилась до самого последнего времени, о чем свидетельствует, например, вышедший в 1995 г. в Москве «Катынский криминал» некоего Мухина. Не будем питать иллюзий: в России многим до сих пор неизвестно ни само катынское дело, ни его значение. А, казалось, истина лежит на ладони. Можно было обойтись даже без доказательств, умело использованных геббельсовской пропагандой после раскрытия массовых захоронений поляков под оккупированным Смоленском. 6311 польских пленных из Осташкова лежат в Медном, куда немцы во время войны не добрались. Их расстреливал тот же начальник комендатуры НКВД СССР В.М.Блохин, который несколькими неделями раньше расстреливал Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда, Михаила Кольцова. Полный список его соратников сохранился, как со-

хранились и рапорты начальника Калининского областного управления НКВД Токарева.

Во-вторых, никакие документы и свидетельства не приходилось вырывать с таким трудом, как доказательства этого массового уничтожения. О судьбе польских офицеров отказывались что бы то ни было сообщить не только генералу Андерсу, который создавал в СССР свой польский корпус, или ротмистру Чапскому, художнику, уцелевшему в Старобельске и по поручению Андерса искавшему их от Памира до Новой Земли, но и коммунистам — генералу Берлингу, формировавшему просоветские польские части, первому секретарю ЦК ПОРП Гомулке, а под конец и Ярузельскому. Особо красноречивы именно их свидетельства, потому что их невозможно заподозрить во враждебности к советскому государству и социалистической системе и потому что они имели прямой доступ к тем, кто в СССР решал всё, в том числе — что будет считаться истиной, а что нет. Это мучительное вырывание истины в конце концов принесло плоды, заслуживающие особого внимания. Оказалось, что все фальсификации напрасны и нет секретов, которые в конце концов не обнаружатся. Что еще важнее, мы получили доказательство, что оглашение горькой истины (чего еще боялся Горбачев и чего не испугался Ельцин) не отравило, а, наоборот, очистило атмосферу отношений Польши с Россией. Без этого смелого решения за

Россией продолжал бы тянуться траурный шлейф *духовного наследия* советских времен, цепь старых и уже чужих грехов. Что мы сделаем дальше в этих условиях, зависит уже только от нашего разума. Или от его недостатка.

В-третьих, вот случай напомнить важную вещь: ничто не происходит само собой — чтобы эта истина вышла на свет Божий, нужна была необычайная, упорная страсть многих отважных людей. Разумеется, среди них преобладали поляки — начиная с писателя Юзефа Мацкевича, Чапского, Гедройца и всего круга «Культуры», ученых, таких, как проф. Заводный, политиков из

польского правительства в изгнании и до деятелей из ПНР, которые, зачастую шепотом или во весь голос требовали огласить то, что и так все знали. Не молчали и иностранцы, такие, как Фицгиббон или 227 депутатов британской Палаты Общин, потребовавших от ООН расследования катынского дела. Но особо волнующим и в конце концов решающим было и остается участие русских в этом очистительном процессе. Я прошу вас, читатели «Новой Польши», вслух прочитать текст и подписи под заявлением, опубликованным в журнале «Континент» (тогда еще эмигрантском) группой наших друзей — недавних советских граждан по инициативе писателя Владимира Максимова в апреле 1980 г., когда не только никакая стена еще не рухнула, но и «Солидарности» еще только предстояло родиться. С тем же волнением пишу эти слова читает список членов совместной польско-русской редакции тома «Катынь» (М., 1999) — этого образцового собрания «совершенно секретных» документов, долгие годы скрытых в кремлевских архивах и теперь изданных под редакцией акад. Александра Николаевича Яковлева. К ужасу и боли при их чтении присоединяется растущее чувство надежды и веры, что есть на свете добросовестность. И что будет так, как сказано в Писании: истина сделает нас свободными. Свободными от груза ненависти и недоверия. Только истина может полякам и русским достичь примирения.

Пер. Н.Г.

Юзеф Чапский

БЕСЧЕЛОВЕЧЬЕ (Фрагменты)

Сразу по приезде* я получил приказ создать «Бюро опеки» при сборном пункте, через который должны были пройти все прибывающие офицеры и солдаты. Целью бюро было информировать их и собирать от них информацию, жалобы, вопросы.

Эти люди не знали еще ничего, кроме того, что их выпустили из лагерей и отправили в армию. (...)

Помню такое собрание вновь прибывших в занесенной снегом степи; они тогда впервые услышали, что Польша сражается с оккупантами, что в 1940 г. мы участвовали в боях во Франции и в Нарвике, что наш военно-морской флот действует, что в битве над Англией, в смертельной схватке за Лондон, польские летчики сбили 219 немецких самолетов, седьмую часть уничтоженных над Лондоном вражеских машин. Эти известия были потрясением для

польских солдат, участников сентябрьской катастрофы, над которыми два года измывалась в лагерях советская пропаганда, внушавшая, что Польша и польская армия навсегда перестали существовать.

Каждое выступление я заканчивал словами о союзе с Советами. Выполняя приказ командования, требовал лояльности и товарищеского отношения к Красной армии. (...)

Три вопроса преобладали над всем остальным.

Этих людей, изможденных, промерзших, с мокрыми ногами, обернутыми в тряпки, в пропитанных водой рваных куртках, беспокоило прежде всего — как спасти, собрать в войсках товарищей, еще оставшихся, удерживаемых в лагерях.

Вторым делом была просьба найти родственников на просторах России, куда их вывезли, послать им весточку о себе. (...)

Третьим — расспросить всех, кто к нам приходил: не слышал ли он что-нибудь, не знает ли чего-нибудь о военнопленных из Старобельска-1, Козельска-1 и Осташкова? Тогда мы еще верили, что они вот-вот приедут. Однако наши боевые товарищи не только не появлялись, но и никто из сотен тех, кто прибывал со всей России в наше бюро военнопленных и узников, не мог ничего о них сказать. Понять это мы были просто не в силах.

С момента эвакуации тех трех лагерей в апреле-мае 1940 г. не осталось и следа от 15 тыс. военнопленных (среди которых было 8 тыс. офицеров).

Нам тогда еще в голову не приходило, что 15 тыс. военнопленных убиты, мы упорно, каждый день спрашивали о них каждого. Слухов о том, что большевистские власти провели массовую хладнокровную ликвидацию, мы поначалу даже не хотели принимать во внимание. (...)

Среди бесчисленных фамилий эзков, которые мы записывали под диктовку прибывших, никогда не встречались фамилии никого из наших товарищей из Старобельска, Козельска, Осташкова, а ведь нам казалось, что уже почти нет в России лагеря, откуда не было вестей. Было только одно исключение: мы располагали несколькими сообщениями, пожалуй, их было более десятка, о профессоре Х**, который находился в одном из лагерей Коми и, судя по рассказам его освобожденных товарищей, был тяжело болен. Выпускать его не хотели. Мы знали, что он был в Козельске-1, в одном из трех лагерей, которые не подавали признаков жизни (за исключением 400 военнопленных, сосредоточенных после мая 1940 г. в Грязовце). Значит, где-то есть военнопленные козельчане, казалось нам тогда.

Профессора Х освободили из Коми только в июле 42-го, через год после «амнистии», после многократных личных обращений посла Кота. Тотчас по прибытии он дал следующие показания: *в апреле 1940 года* он вместе с группой из 300 офицеров был вывезен из Козельска-1 на станцию к востоку от Смоленска, там его увели от остальных и поместили отдельно, однако в окошко он мог наблюдать, что происходит с остальными. Так вот, к вагонам подъезжали автобусы с затемненными стеклами, офицеров грузили в них и увозили в лесистые окрестности Смоленска. Профессора Х отправили в Москву на следствие по поводу его научных работ о советской экономике, а оттуда — в Коми. (...)

Комната с большими портьерами, с ковром. Райхман, худощавый, невысокий, с породистым лицом и ухоженными руками, поздоровавшись, сажает меня напротив окна. На протяжении всего разговора присутствует, в полном молчании, третье лицо, тоже в мундире НКВД.

Райхман производит впечатление человека холодного, хорошо владеющего собой. Он принимает меня корректно и равнодушно. За все время визита я не заметил ни единого жеста, не услышал ни единого слова, которые не были бы тщательно взвешены. На сухом лице сравнительно молодого, лысеющего блондина ни тени какой-либо реакции.

Подаю ему докладную записку, в записке приведены точные цифры об офицерах и рядовых, взятых в плен с оружием в руках и размещенных в лагерях в Старобельске и Осташкове. Подчеркиваю, что в Козельске в момент разгрузки, в апреле 1940 г., было около 5 тыс. военнопленных, в том числе около 4500 офицеров всех званий (это приблизительно соответствовало числу катынских жертв, согласно расчету, сделанному на основе документов позднее, в 1945 г.). Далее констатирую, что в Осташкове в момент начала разгрузки было 6670 человек, из них 380 офицеров, а в Старобельске — 3920, из них лишь несколько десятков курсантов и гражданских, а остальные — офицеры. Я добавил, что из общего числа этих 15 тыс. человек из всех трех лагерей нашлось около 400, тех, кого собрали в мае 1940 г. в Павлищевом Бору, а потом в Грязовце под Вологдой. (...)

Сколько просеянных, отброшенных версий, сколько расспросов, опросов, допросов несчастных людей в рваных куртках — в Куйбышеве, в нашей холодной деревянной хибаре в Тощке, в Чкалове, и все ради того, чтобы написать эти несколько предложений, думаю я, украдкой глядя на текст, по которому Райхман бесстрастно водит карандашом.

«Мы знаем, с какой скрупулезностью был зарегистрирован каждый военнопленный, — читаю дальше, следя за карандашом Райхмана. — Как „дело” на каждого из нас, с многочисленными протоколами допросов, хранилось в папках с удостоверенными фотографиями и заверенными документами, мы знаем, с каким педантизмом и точностью вело эту работу НКВД. Так разве торжественное обещание самого Сталина, его категорический приказ выяснить, какова судьба бывших польских военнопленных, не позволяет нам надеяться, что мы по крайней мере узнаем, где находятся наши боевые товарищи, а если они погибли, то как и где это произошло?».

СТАРОБЕЛЬСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ (Фрагмент)

В октябре 1940 г., за восемь месяцев до начала советско-германской войны, большевики привезли в специальный лагерь под Москвой, а потом и в Москву нескольких наших штабных офицеров, в частности полковника Берлинга, и предложили им сформировать польскую армию против немцев. Берлинг уже тогда принял предложение, но поставил твердое условие: в эту армию смогут вступить все солдаты и офицеры, независимо от политических взглядов. Была встреча с Берией и Меркуловым.

— Ну естественно, — ответили они. — Поляки любых политических взглядов получают право вступить в эту армию.

— Замечательно, — произнес Берлинг, — у нас есть отличные кадры для армии в лагерях Старобельска и Козельска.

И тут у Меркулова вырвалась фраза:

— Нет, эти — нет. *Мы сделали с ними большую ошибку.* (Выделенное курсивом — по-русски в тексте)

Из сборника «Катынское преступление в свете документов»***

3 декабря 1941 г. в Кремле состоялся разговор генерала Сикорского со Сталиным при участии генерала Андерса и комиссара Молотова. Вот соответствующая часть протокола:

Ген. Сикорский: ...заверяю вас, господин президент, что ваше распоряжение об амнистии не выполняется. Многие, притом самые ценные наши люди еще находятся в трудовых лагерях и тюрьмах.

Сталин (*делая заметки*): Этого не может быть, амнистия касалась всех, и все поляки освобождены. (*Последние слова адресует Молотову. Молотов подтверждает.*)

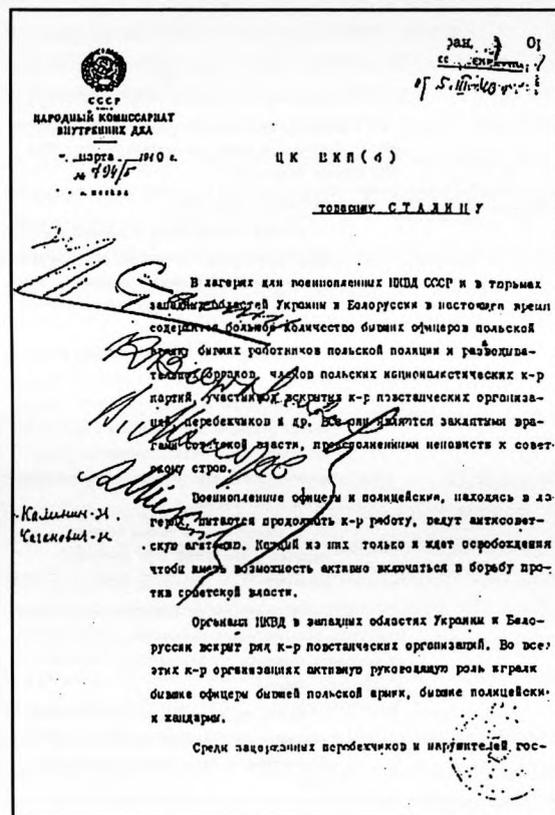
Ген. Андерс (*по требованию ген. Сикорского, приводит подробности*): — Это не соответствует действительному положению вещей. У меня в армии есть люди, которых освободили только несколько недель назад и которые заявляют, что в отдельных лагерях остались еще сотни и даже тысячи наших соотечественников.

Ген. Сикорский: Это не наше дело — представлять советскому правительству точные списки наших людей, полные списки есть у начальников лагерей. У меня с собой список около четырех тысяч офицеров, которых вывезли насильно и которые в настоящее время еще находятся в тюрьмах и трудовых лагерях, но даже этот список не полон, так как содержит только фамилии, которые удалось восстановить по памяти. Я распорядился проверить, нет ли их в Польше, с которой у нас постоянная связь. Оказалось, что ни там, ни в лагерях военнопленных на территории Германии нет никого из них. Эти люди находятся здесь. Никто из них не вернулся.

Сталин: Этого не может быть. Они бежали.

Ген. Андерс: Куда же они могли бежать?

Сталин: Ну, в Манчжурию.

Докладная записка Л.Берии И.Сталину

Ген. Андерс: Не может быть, чтобы всем удалось бежать... Большинство офицеров, упомянутых в списке, известны мне лично. Среди них — мои штабные офицеры и командиры...

Сталин: Наверняка их освободили, просто они еще не прибыли.

Ген. Сикорский: Россия велика, и трудности тоже велики. Возможно, местные власти не выполнили приказ. Если бы кто-то выбрался за пределы России, он наверняка доложил бы мне.

Сталин: Знайте, что у советского правительства нет ни малейшего повода задерживать хоть одного поляка.

Молотов: Быть того не может, чтобы в лагерях находились ваши люди.

Ген. Андерс: Однако мы с абсолютной достоверностью установили, что они там есть...

Сталин: С этим разберутся. Будут даны специальные указания исполнительным органам, однако следует понимать, что мы ведем войну.

Этот разговор еще больше укрепил польскую сторону в убеждении, что пропавшие офицеры живы и их содержат в трудовых лагерях.

Докладная записка
Л.Берии И.Сталину

И. з. -

Исходя из того, что все они являются законными, несправными врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимыми:

В. П.
Вопрос НКВД с/р. З.

1. Предложить НКВД СССР:

- 1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, каздармов, осадников и термичиков.
- 2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков -
- рассмотреть в особой порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела.

П. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без представления обвинений, постановлений об окончании следствия и обвинительного заключения - в следующем порядке:

- а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных - по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

* Юзеф Чапский был интернирован в Старобельске и в числе немногих офицеров из этого и двух других лагерей вместо отправки на расстрел был переведен в лагерь в Павлищевом Бору, затем в Грязовце, откуда освобожден по амнистии, объявленной польским заключенным после советско-польского соглашения августа 1941 г. (т.н. пакта Сикорского—Майского). Из лагеря прибыл («приезд», о котором говорится в тексте) в распоряжение командования сформировавшейся польской армии генерала Андерса. — *Ред.*

** Станислав Свяневич, профессор Виленского университета им. Стефана Батория, специалист по Восточной Европе. В 1979 г. он выпустил книгу воспоминаний „В тени Катыни”. — *Ред.*

*** Сборник, изданный в 1949 году (и многократно затем переиздававшийся) под ред. ген. В.Андерса, был составлен писателем Юзефом Мацкевичем, чье имя как составителя, однако, не было названо. Мацкевич побывал в Катыни в то время, как гитлеровцы эксгумировали трупы польских офицеров, писал об этом в разрешенной оккупантами виленской газете, за что во многих кругах на долго заработал репутацию „коллорабациониста”.

Войцех Ярузельский

«ВЫРВАТЬ ИСТИНУ»

Из предисловия к книге Яремы Мацишевского

О катынском преступлении я узнал весной 1943 г. в Сибири. До нас, ссыльных, дошла информация, что это преступление совершили гитлеровцы, а теперь геббельсовская пропаганда пытается свалить вину на Советский Союз. Из-за этого во взаимоотношениях между польским эмигрантским правительством в Лондоне и правительством СССР возникла острая напряженность, а затем отношения были разорваны. Положение поляков в России, и без того ухудшившееся после вывода армии Андерса в Иран, стало еще тяжелее. Мы мучительно ощущали прямые последствия этого.

Некоторое облегчение принесло создание 1-й Костюшковской дивизии, а затем Польского корпуса в СССР. Я оказался в его рядах, точнее — в офицерском пехотном училище в Рязани. Там до нас доходила информация о катынском преступлении в том же духе, что и прежде. Об этом говорили политработники, говорили наши командиры. Ванда Василевская, которая вместе с Каролем Сверчевским инспектировала нашу школу, произнесла пламенную речь. Она сказала, что наш воинский долг — отомстить за все гитлеровские злодеяния. Это вызвало у нас отклик. (...)

В результате уверенность в том, что в катынском убийстве виновны немцы, преобладала в нашем сознании над сомнениями. К этому присоединилось и то обстоятельство, что погибли не все польские офицеры, интернированные или арестованные в СССР. Ведь были живы такие известные командиры, как Владислав Андерс, Мечислав Боруца-Спехович, Михал Карашевич-Токажевский и другие. Многие из них покинули СССР, а некоторые остались, как Зыгмунт Берлинг. Если бы это было советское преступление, то, как подсказывала логика, погибли бы те, кто всего важнее, всего опаснее для СССР.

Потом — возвращение в Польшу. Одна из первых картин, оставшихся в памяти, — Майданек, печи крематориев, огромные, чудовищные злодеяния, о которых раньше мы только слышали, а теперь могли увидеть собственными глазами. Сравнение того, что мы увидели, с нашими собственными переживаниями говорило в пользу СССР. Разумеется, мы знали, что там происходили ужасающие вещи, и испытали это сами. Мой отец сидел в лагере и потом умер от истощения. Но он не сталкивался с фактами массового геноцида. Даже если мы слышали еще до войны о всякого рода судебных процессах, о ликвидации так называемых врагов, то объясняли это внутренней политической борьбой. Однако и то, что доходило до нас, было несопоставимо с Майданеком. (...)

Первые послевоенные годы прибавили немного. На Нюрнбергском процессе, осудившем гитлеровские преступления, о катынском преступлении говорили, собственно, вскользь, а в приговоре о нем вообще не упоминалось. Да и правительства западных держав, несмотря на нарастающие симптомы конфронтации Востока и Запада, хранили в этом вопросе поразительную сдержанность.

Однако в 50-е годы начала — сперва тоненьким ручейком, а потом все шире — расходиться информация, указывающая на то, что вина за катынское убийство лежит на НКВД, что преступление совершено советской стороной. Такое мнение распространяли, в частности, проникавшие в страну эмигрантские издания. (...)

Проблема Катыни год от года становилась все сложнее, все болезненнее. Потрясающие открытия XX съезда КПСС обострили сомнения в официальной версии. Они ставили под вопрос то, что нам хотелось связывать с нашим союзом, с нашей системой ценностей, со всем, чему мы придавали столь большое значение.

Поэтому в 60-е, а потом в 70-е годы я пытался вести по вопросу Катыни неофициальные, пробные разговоры со своими советскими партнерами, прежде всего с маршалами Филиппом Голиковым, Андреем Гречко, Иваном Якубовским, Дмитрием Устиновым и Виктором Куликовым. (...)

Шансы на то, что истина будет раскрыта, появились только при Горбачеве. Мой первый продолжительный разговор с ним состоялся в конце апреля 1985 года. Это было всего через несколько

Записка
председателя
КГБ СССР
А.Н. Шелепина
Н.С. Хрущёву с
предложением
уничтожить все
учётные дела на
расстрелянных
польских
военнопленных

Секретно

Полковник Хрущёв Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР в 1940 году является учетные дела и другие материалы по расстрелянным в том же году польским и интернированным офицерам, военнопленным, партизанам, партизанам и т.п. лиц доброй волеи. Польши введено по решению специальной тройки МВВД СССР было расстреляно 2111 человек: 411 человек в Лодзинском лесу (Полесская область), 211 человек в Старобельском лагере близ Харькова, 211 человек в Осташковском лагере (Калининская область), 611 человек и 1.105 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Беларуси.

Все операции по ликвидации интернированных лиц проводились на основании Постановлений ЦК КПСС от 3-го марта 1940 года. Все они были осуществлены в кратчайшие сроки по указанию ЦК КПСС, в соответствии с которыми на них как на вражеских и изменников Родины.

С момента проверки нейтральной стороной в 1945 году никаких сведений по этим делам ни в СССР, ни в Европе и все это в количестве 2111 человек в ответственной постановки.

Для Советских органов все эти дела не являются предметом оперативного интереса, ни историческим ни политическим. Если бы они имели исторический интерес, то они были бы переданы в архивы или в музеи. Интерес для нас только в том, что в 1940 году было расстреляно 2111 человек.

Секретно

недель после того, как он принял обязанности генерального секретаря ЦК КПСС. Когда он приехал в Варшаву на заседание консультативного комитета Варшавского договора, я предложил ему задержаться еще на день. Он обещал остаться «на часок». Это кончилось пятичасовым, очень искренним и очень принципиальным разговором. (...)

Именно в том разговоре, обсуждая польско-советские отношения, я сказал, что они должны быть очищены от всего, что их отягощает, мешает им, подрывает взаимное доверие и искренность дружбы между нашими народами. Я перечислил несколько важнейших тем, относящихся к прошлому, — «белых пятен» с катынским преступлением во главе. Среди них были также пакт Риббентропа—Молотова и проблема депортации. Были и другие волновавшие нас тогда вопросы. (...)

Когда я вел переговоры с Горбачевым, лично у меня не было сомнений в том, что касалось сути так называемых белых пятен, особенно в том, кто совершил убийство польских офицеров, и в подлинности тайного протокола к пакту Риббентропа—Молотова от 23 августа 1939 года. Но я чувствовал, что для Горбачева это очень трудные проблемы. В частности, соглашаясь с тем, что катынское преступление требует освещения, соответствующего истине, он в то же время отмечал, что истина в этом деле еще не очевидна, что нельзя выносить приговор без неопровержимых доказательств. Поэтому необходимо дальнейшее расследование и установление истины. (...)

В одной из бесед я сказал Горбачеву, что обнародование даже горькой истины ложится грузом только на прошлое, а упорствование во лжи ляжет грузом на будущее. Он воспринял эту мысль с большим вниманием. Ценил он и мою решимость обнародовать истину. В своих высказываниях, опубликованных осенью 1992 г., он подчеркивал, что ощущал постоянный нажим с моей стороны: что я ждал окончательного ответа и настаивал на нем.

В тогдашней ситуации я считал оптимальным такой метод решения вопроса, который был бы приемлем для обеих сторон. Деятельность комиссии историков давала шанс сделать эту тему достоянием гласности и совместно достигнуть цели. (...) Прежде всего речь шла о том, чтобы

45.

Краткая информация проверочной операции, проведенной в Лодзинском лесу в отношении расстрелянных в катынском лагере польских офицеров, по инициативе Советского правительства в 1940 году. Расследованием Комиссии установлено, что специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств гибели польских офицеров.

Согласно выводам этой комиссии все интернированные там польские считаются учетными немецкими оккупантами. Материалы расследования в этот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно вошел в международном общественном мнении.

Исходя из указанного представляется целесообразным учитывать, все учетные дела по лиц расстрелянных в 1940 году по повелению высшего органа.

Для исполнения поручения выносятся предложения по личным ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить материалы, указанные выше, в ЦК КПСС, а также документы, указанные выше, в архивы и акты о выполнении в исполнение решений ЦК КПСС. Эти документы не являются и хранятся не только в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС, принятого 15.08.1992 г.

Секретно

9485

12

открыть дискуссию, снять табу с катынского и еще нескольких дел, подвергнуть обоснованной критике аргументы, на которые до сих пор опиралась официальная советская позиция. И таким образом, шаг за шагом, вынудить к признанию истины. (...)

Итак, дело двинулось. Комиссия начала действовать почти сразу же после подписания декларации. Меня оперативно информировали о ее работе. Я знал о сопротивлении и трудностях, с которыми сталкивались польские историки. Старался помочь им, вмешиваясь, когда было необходимо. И понемногу — при включенных с той стороны тормозах — работа двигалась вперед. (...)

В первые месяцы 1990 г., готовясь к официальному визиту в СССР, я передал по официальным каналам, что визит не состоится, если советская сторона не обнаружит истину о катынском преступлении. А визит был важен не только для нашей, но и для советской стороны. Горбачев как раз тогда стал президентом СССР, а я уже исполнял обязанности президента Польши. Нам обоим был нужен этот визит, нас соединяло взаимное уважение и дружба. Однако я не мог поехать, пока советская сторона не обязалась обнародовать истину о Катыни.

Я получил ответ, что, наконец, обнаружены документы так называемых конвойных подразделений, — эти документы, как потом объяснил мне Горбачев, стали ключом к тому, чтобы установить, кто же виновен в преступлении: они указывали на ответственность НКВД. Официальное заявление на этот счет Горбачев сделал во время моего визита в Москву в апреле 1990 года. Было опубликовано и соответствующее заявление агентства ТАСС. Из рук президента СССР я получил две толстые папки, содержавшие, помимо списков убитых польских офицеров, различные документы, связанные с совершенным злодеянием. (...)

Несомненная и великая заслуга Горбачева — то, что он привел дело к переломному моменту, которым стало признание Советским Союзом своей вины за преступление. Это надо оценить. Историческое значение имеет и то, что Борис Ельцин смело поставил точку над „i“, раскрыв преступный процесс принятия решений в 1940 г., указав фамилии преступников на высшем уровне власти. (...)

Патологию системы нельзя механически переносить на русский народ, который стал первой жертвой сталинизма. В Катыни покоится и прах советских солдат, расстрелянных спецслужбами еще до начала войны.

Сегодня наши страны вступили на близкий, родственный путь демократических перемен. Поэтому важнее всего — смотреть в будущее, развивать и укреплять равноправные, добрососедские отношения между нашими народами. А память о жертвах Катыни и других массовых убийств и почести, воздаваемые тем, кому выпала столь ужасная судьба, пусть будут предостережением и поучением на вечные времена.

Варшава, 23 марта 1993

ОГЛЯНИСЬ В РАСКАЯНЬИ

Заявление российских правозащитников

В эти памятные и скорбные для Польши дни мы, советские правозащитники, хотим еще раз заверить своих польских друзей, а в их лице и весь польский народ, что никто из нас никогда не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни.

Мы уверены, что уже недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам: одним — в меру их злодеяния, другим — в меру их мученичества.

Апрель 1980

*Людмила Алексеева,
Андрей Амальрик,
Владимир Буковский, Борис Вайль,
Томас Венцлова,
Александр Гинзбург,
Наталья Горбаневская,
Зинаида и Петр Григоренко,
Борис Ефимов,
Татьяна Житникова (Плюц),
Арина Жолковская (Гинзбург), Юлия
Закс, Эдуард Кузнецов,
Павел Литвинов,
Кронид Любарский,
Владимир Максимов,
Владимир и Галина Малинович,
Раиса Мороз, Виктор Некрасов,
Владлен и Светлана Павленковы,
Леонид Плюц,
Галина Салова (Любарская),
Надя Ситличная,
Павел Стокательный,
Валентин Турчин, Борис Шрагин,
Юрий и Вероника Штейн,
Татьяна Ходорович*

(«Континент» №24, 1980)

Наталья Горбаневская

ПОЛЬСКИЕ ОТГОЛОСКИ

«...отголоски», а не «стихи о Польше» или еще что-нибудь в этом роде, ибо прямо «о» у меня почти ничего и нет. Зато есть, по крайней мере с начала 60-х, Польша (тогда еще вычитанная в книгах и журналах, высмотренная в кино, полувоображенная и чрезмерно идеализированная) и польский язык в моей жизни. Начался он у меня, как и у всего моего поколения, с 56-го года, когда в польских газетах, чуть более свободных, чем советские, мы искали сведений о происходящем. (Мог бы начаться и раньше. В 1953 г., кончив школу, я вздумала поступать на славянское отделение филфака — на чешский. Оказалось, что принимают один год на чешский и болгарский, другой, как раз этот, — на польский и сербский. На польский я идти решительно отказалась и пошла на русское отделение. Но судьбу, оказывается, ни на чем не обехать.)

Потом все мы читали, интересуясь уже не столько политикой, сколько культурой. Занятно, что в единственном письме Ахматовой, где я упомянута, говорится: «Наташа Горбаневская принесла мне “Польшу”» (это был номер со стихами Шимборской в ее переводах). Многие из нас, однако, пытались читать не только популярнейшую «Польшу», но и по-польски: журналы «Фильм», «Экран», «Пшекруй» (в одном из своих польских интервью Бродский упомянул, что я его в ссылке подписала на «Пшекруй» — краковский еженедельник, по которому мы все учились свободному, легкомысленному, не академическому языку). Потом книги. Тут пути моего поколения разошлись: для большинства Польша осталась «окном на Запад» — по-польски читали не изданных тогда по-русски Фолкнера, Кафку, Камю; немногие углубились в польскую литературу. Первой книгой, которую я целиком одолела, начиная с трудом, а к концу читая почти свободно, был «Пепел и алмаз» (в 64-м, а фильм Вайды, о котором мы тогда были только наслышаны, вышел в советский прокат только годом позже). Полуправдивость романа Анджеевского я тогда оценить не могла, но инстинктивно стала на сторону трагического главного героя, а с ним и Армии Крайовой. И тут, еще больше отходя от своих ровесников, я перешла на книги по истории Польши во время немецкой оккупации (естественно, издававшихся в ПНР и освещавших историю искаженно, но пробиться через эти искажения и примерно правильно осмыслить в большинстве случаев удавалось). Там я и нашла воспоминания о «двадцатилетних варшавских поэтах» (см. мой перевод «Поэтического трактата» Милоша — отрывки помещены в самом первом номере «Новой Польши»), а позже — и сами их стихи. Стихотворение одного из них, Кшиштофа Камила Бачинского, «Дожди» стало моим первым переводом

польской поэзии — и это единственный перевод, который я включила в свою книгу стихов. Но переводы — это другая история.

В стихи же мои от этого все более усиливающегося польского фона начали попадать то мотивы, то топонимы. Собственно, топонимы, кроме самой Польши, все речные: «Я еще не уснула, но крылья свисли / от лопаток до пяток, как парус на Висле / в безветренную погоду...»; «Умереть — это просто как спичка, летящая с моста, / уплывает в Атлантику, хоть бы упала в Вилейку...» (в ту реку в Вильнюсе, которая по-литовски называется Вильняне); «...в том городе, на той реке, / чье имя... но не Висла, // а — Влага вроде бы...» (имеется в виду Казань, стоящая на Волге); «Здравствуйте, коли не снитесь, / ветер, и берег, и мох, / Свислочь, и Невеж, и Свитезь...».

Встречаются у меня отдельные польские слова: «Зевсу и земле, Езусу и музам...»; «Где хвёйной тенью лег / в еловые опилки / предсмертный фитилек / немеркнувшей копилки...» («chwójny» — по-польски шаткий. Мой издатель позвонил из Америки, спросил: не хвойный ли? Пожалуй, хвоя там есть: это «хвёйный» — словно «хвойно-веемый»); или прямо с переводом: «Эти капельки — эти *крупэлки*...». А то и прямо целый стих по-польски (да еще открывающий стихотворение!) с переводом в следующем: «*Światła i światła piękności, / света и мира красоты...*»

Попадают у меня и полонизмы, обычно умышленные: «*Тень мой, стин мой, тихий стон*» («тень» по-польски мужского рода; за этим следует чешское «стин» — тоже тень); «верба *вилінская*» (с польским ударением в русском слове); «*Эти снимые картинки*» (от польского переходного глагола «снить» — «видеть во сне»); «накрепко ль над серпомолотом / *вбито* осинового кол?» (типично польская форма пассивного залога); «Мать Божья, *Утечка грешных*, / вынеси меня из острога» (по-польски *Matka Boska, Ucieczka grzesznych* — Мать Божия, Упование, или Прибежище, по-русски — Споручница грешных, но, кроме того, *ucieczka* — побег). Но обнаружилась и один случайный полонизм, который я решила не исправлять: «*По всех нас проехала очередь / с бетонного броневичка*» (предложный падеж вместо дательного).

Можно еще отметить не чисто польские, а общеславянские мотивы: «...на славянско-вавилонских / словесах...» (Вавилон здесь — разумеется, Париж); «Славенцизна — моя отчизна...».

В данную подборку я включаю стихи, где «что-то польское» важно или как формообразующий элемент, или в связи с историей стихотворения, и к каждому стихотворению даю примечания.

* * *

Как андерсовской армии солдат,
как андерсеновский солдатик,
я не при деле. Я стихослагатель,
печально не умеющий солгать.

О, в битву я не ради орденов,
не ординарцем и не командиром
разведчиком в болоте комарином,
что на трясушей тропке одинок.

О — рядовым! (Атака догорает.
Раскинувши ладони по траве
а на щеке спокойный муравей
последнюю кровинку догоняет.)

Но преданы мы. Бой идет без нас.
Погоны Андерса, как пряжки танцовщицы,
как туфельки и прочие вещицы,
и этим заменен боезапас.

Песок пустыни пляшет на зубах,
и плачет в типографии наборщик,
и долго веселится барахольщик
и белых смертных поставщик рубах.

О родина!..
Но вуроны следят,
чтоб мне не вырваться на поле боя,
чтоб мне остаться травкой полевою
под уходящими подошвами солдат.

* * *

Говорить разучусь,
не совсем, так по-русски,
со всеми разлучусь,
не навек, так на годы,
нет меня ни
у Невы, ни у Таруски,
переменила
я слова и глаголы.

Свинцовые волны,
чужое море,
сосновые чёлны,
сухие весла,
а паруса
проедены молью,
а голоса
шуршат, как известка.

Польская армия генерала Владислава Андерса формировалась в СССР из поляков, после советско-германского раздела Польши 1939 г. отправленных в лагерь или на поселение, а затем, когда летом 1941 г. СССР невольно оказался в стане союзников, — освобожденных по амнистии (см. напр. Густав Герлинг-Грудзинский, «Иной мир»). Однако армии, подчиняющейся «лондонскому» правительству, большевики не доверяли. Из Средней Азии армия эвакуировалась в Иран, а оттуда дальше на запад и воевала на фронтах II Мировой войны: на Ближнем Востоке, в Африке и Италии. Надо прибавить, что, когда писалось стихотворение, я представляла себе все это довольно туманно.

Стихи выглядят сделанным за десять лет вперед предсказанием эмиграции (хотя здесь имеется в виду лишь «эмиграция» в чужую речь — как у Мандельштама: «Мне хочется уйти из нашей речи / За все, чем я обязан ей бессрочно»), когда никакого намека на ее возможность не было и никакого желания, естественно, тоже. Но чужая речь здесь была польской: в первых публикациях на месте четырех строк точек печаталось четверостишие, написанное по-польски, увы, с ошибками, — главное, грубые ошибки оказались на рифмах, следовательно, не поддавались исправлению.

.....
.....
.....
.....

Но и там меня нету,
сколько зим, столько лет,
проплывя через Лету,
простывает мой след,
остывает горло,
холодеет щека,
и рука примерзла
к руке на века.

Вильно — польское название Вильнюса, а распятья задержаны, потому что действие происходит на католической Страстной неделе. На стих «...за Польшею, а значит, за Литвой» моя подруга и крестная мать Наталья Трауберг сказала, что это «за Польшею» сразу расширяет место Литвы в мире.

* * *

Как вольно дышит Вильно по холмам —
как я после последнего объятья.
Но почему задержаны распятья?
И почему расстаться надо нам?

Под пеленою пыли дождевой,
под мартовскою снежною завесой
ответит голос за рекой, за лесом,
за Польшею и, значит, за Литвой.

Откликнется и скажет, почему,
и скажет: Ни к чему твой плач ему.
И этот тихий голос на горе —
как дрожь души на утренней заре.

«Тогда» — в 1944-м, когда во время Варшавского восстания Красная армия стояла на правом берегу Вислы.

* * *

Это я не спасла ни Варшаву тогда и ни Прагу потом,
это я, это я, и вине моей нет искупленья,
будет наглухо заперт и проклят да будет мой дом,
дом зла, дом греха, дом обмана и дом преступленья.

И, прикована вечной незримою цепью к нему,
я усладу найду и отраду найду в этом страшном дому,
в закопченном углу, где темно, и пьяно, и убого,
где живет мой народ без вины и без Господа Бога.

Стихи о славянской взаимности

1

Полонянка, полунынька
полоумных близнецов,
приграничная полянка,
травы смяты брюхом танка,
раскроши-кроши, тальянка,
мать их братьев праотцов.

Всхлипнет, ухнет тихим эхо
взбитый в щепки березняк,
в землях Руса, Чеха, Леха
сметена межа и веха
и сострелена застреха,
ледяной свистит сквозняк.

Годовщины с дармовщины
пухнут, как в голодный год,
под сухим кустом лещины,
прилепив к щекам личины,
пляшет мой неизлечимый,
мой неназванный народ.

2

Иссякнет оно, иссякнет,
иссохнет оно, иссохнет,
и череп его размякнет,
и лоно его заглохнет,

но, канновою печатью
клейменные в даль поколений,
мы той же чеканом печалью
свои неоплатные пени,

и те же славянские плачи
мы правнукам завещаем,
путь покаянья, как путь греха,
нескончаем.

Злые стихи со злым названием, заимствованным у какого-то советского литературоведа, к 175-летию Пушкина прославлявшего стих. «Клеветникам России» как наилучшее выражение «славянской взаимности». «...взбитый в щепки березняк...» — это, конечно, «лес рубят, щепки летят», но сам «березняк» — от названия фильма Вайды. Рус, Чех и Лех в польской легенде — братья, разъехавшиеся в три стороны и положившие начало трем народам: русским, чехам и полякам. «Иссякнет оно, иссякнет...» — от: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос». В статье на смерть Булата Окуджавы я писала, как одна умная московская женщина (Ирина Уварова) предположила, что чуть ли не чрезмерная боль русских поэтов за Польшу — это попытка «искупить» «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину», потому что от Пушкина мы никуда не денемся, не откажемся, — значит, сами несем ответственность. У меня есть цитата из «Клеветников России» еще в одном стихотворении: «...где русский от побед давно отвык / и от войны, держась родимого предела...».

«Крайобраз по...» — начало польского названия фильма Вайды «Пейзаж после битвы» («Krajobraz po bitwie»). Еще однажды у меня встречается название польского фильма (реж. Моргенитерна) «До свиданья, до завтра»: «Слушай — и услышишь, / а пока до свиданья, до завтра...». Но здесь и весь «крайобраз» с этими ивами, этими вербами — польский.

* * *

Как молчаливы эти ивы, эти вербы,
хоть вдоль дорог и вширь полей гудит вихорь,
в нас еле живы еле внятные напевы,
плач предков, клёкот журавлей, судьбы прихоть.

Как терпеливы эти руки в теле глины,
хоть полночь сжала горизонт серпом лунным,
забыть мотивы, не запеть всё те же гимны,
«Крайобраз по...», и новый фронт открыт гуннам.

Еще один польский «крайобраз» — пейзаж снесенной с лица земли Варшавы (после восстания 1944 г.). Понять это помогает ранее появившийся (хоть и из Пастернака) Шопен.

* * *

Как хочется мне
вам
в дар принести балладу,
да дождь на складе по дровам
сбивает со склада и ладу,

по мелкой лежалой щепе,
по грязной шершавой бересте,
и дует из дыр и щелей,
ломя фортепьянные кости.

Чухотка бескорыстного Шопена
в наручниках невидимых, но ржавых —
не тема, не мелодия, но сор, труха и пена...
Ни дома, ни двора, одни руины в травах.

Весна, вихляясь, пляшет на погосте,
и до того жирна зола столицы,
что ты поймешь: мы не проездом в гости,
мы здесь в гостях, ненадолго, как птицы.

* * *

Разговор, которого никогда
Разговор, к которому ниоткуда
Набережные захлестывает вода,
но река безымянна —

Безымянна, как глиняная посуда,
переполненная через край
ожиданием чуда или хотя бы не чуда,
чересчур ожиданием

Ожиданьем чего-нибудь или чего-то,
называемым по имени мокрых камней,
и размывом границ, и отплытием флота,
отчаливанием щепочек от трухлявых пней,

еще не чающих океана
и не оглядывающихся назад,
на полусумрачный палисад,
на имя Лютеция или Секвана,
но увы

* * *

Снег с Вогез обращается в облако
и над пересвистом перепелок,
над тягучестью Ламского Волока
выпадает на голый проселок.

Эта капля плывет на стекле ветровом,
мимо проволок и перекличек,
мимо мирно прикрытых растениями рвов
и людей как обугленных спичек.

И я едва прикрываю глаза
и гляжу, как по вечным ухабам тянется
моя несмываемая слеза,
моя нелегальная посланница.

И стрелочник стрелку часов переводит,
и вязнет и грузнет шестерка колес,
и в круговороте воды в природе
росы и тумана не больше, чем слез.

Если Лютеция — латинское название Парижа, то Секвана — латинское (и польское) Сены, а заключение, оборванный стих «но увы — —» представляет собой отсылку к стихотворению Ахматовой, которое посвящено Юзефу Чапскому: «Но, увы! не Варшава, не Ленинград».

«...мимо мирно прикрытых растениями рвов / и людей как обугленных спичек» — имеются в виду массовые захоронения наподобие катынского (тогда еще не были раскрыты захоронения отечественных расстрелянных, кроме — при немцах — винницкого).

И здесь картина убиения, аналогичного катынскому, только там не вербы насадили на массовых могилах, а молодые сосенки.

* * *

Помяни меня пока я жива
пока не сползла по откосу рва
пока надо рвом ли над прорубью
руки за спину стянуты проволокою
но всё еще над а не в
не вой на гробу и не выпь на болоте
не вал поверх рва и не верб
натыканы прутья по плоти
еще шевелящей песок
скачками вдыхаемый в небо
Помяни же меня ради Бога
Помяни пока не поздно ради Бога
пока на западе не заалел Восток

Включение в подборку этого стихотворения может показаться странным: ничего «польского» в нем нет не только на первый, но и на любой взгляд. Но я и сейчас помню, в каком возбуждении вышла из парижского кинотеатра, где впервые посмотрела «Человека из мрамора» (все того же Вайды), и как оно перешло в бормотание-сочинение этих стихов. Для меня они навсегда связаны с впечатлением от фильма.

* * *

Господи Боже мой,
Свете во мгле!
Мокрого крошева
в черном стекле,

мокрого месива
под колесом,
оклика бесьего
в некрепкий сон,

марева дымного
от сигарет,
друга единого,
когого нет,

зверя столицего
именем Труд —
дай нам сторицею,
пока мы тут.

* * *

Еще одно вроде бы совсем не «польское» стихотворение. Но, когда я прочитала его, только что написанное, моей польской подруге Ирине Лясоте, она пришла в некоторое изумление: накануне, первой в Париже, она получила самиздатский экземпляр романа Тадеуша Конвицкого «Малый апокалипсис», действие которого происходит в Варшаве неопределенного будущего (может быть, почти настоящего), где отменены, правда, не барометры, а календари. Как говорится, бывают странные сближения...

В тот год подпортили весну большевики,
чтоб обеспечить посещаемость балета.
Шелка ползли в театр, надев дождевики...
А кто мне обещал, что наступило лето?

Кто обещал — и позабыл, что обещал,
скорей причудилось, чем вправду обещалось,
и не из-за того, а просто обнищав,
я промокаю, промерзаю, простужаюсь.

Ни водостоков с крыш, ни мокнущих афиш,
ни теплых па-де-де в парах двойного кофе
я больше не хочу. Смотри, не ешь, не пьешь,
когда барометры клонятся к катастрофе.

Так бормотала я в тот год себе сама,
в тот год давно прошедший, семьдесят девятый,
когда свирепствовала мокрая зима,
вбивая мерзлый гвоздь в Париж полураспятый.

Так бормотала я в тот год себе самой,
осуществляя впрок свободу бормотанья.
По всем приметам выходило, за зимой
придет октябрь и осень страшного братанья

волков с гиенами на наших позвонках,
и выходило: проморгают, проворонят...
Объявлен ясный день, и в слякоти, впотьмах
припоминай теперь, как выглядел барометр.

* * *

Чеславу Милошу

*Тут, по-моему, ничего объяс-
нять не надо: кто такой Милош,
каждый знает*

И тогда я влюбилась в чужие стихи,
шелестящие так, что иные кривились: «Шипенье...»
И оттуда, наверное, многие проистекли
для меня и несчастья, и счастья. Теперь я

присяжной переводчик, профессионал,
по ночам шелестящий страницами Даля,
поверяющий щебет по русским забытым словам
и бормочущий вслух, как над книгой гадальной.

Но спасибо за то, хоть не знаю, кому,
не себе и не Богу, не случаю и не ошибке,
что, шепча в законную парижскую тьму,
я робею по-прежнему, прежде чем выстукать перевод на
машинке.

Не себе и не Богу, не случаю и не призванью —
языку, что любовному поверил признанью.

Стихотворение написано вскоре после объявления военного положения в Польше. В нем, в частности, отражена демонстрация у посольства ПНР в Париже 13 декабря 1981 г., в день объявления военного положения. Мы там действительно скандировали: «Вольна Польска!» — «Свободная Польша!»

* * *

Господи, Господи, ночь и туман
на них опустились.
Господи, что даровал Ты нам,
кроме бессилья?
Кроме свободы голос срывать:
«Вольна Польска!»
и сквозь кордоны атаковать
двери посольства.

Крик мой, хрип мой жалок и тих:
«Сестры и братья!»
Видно, Господь чересчур возлюбил
эту равнину.
Видно, у Господа Бога для них
— то же, что Сыну, —
нету иных проявлений любви,
кроме распятия.

«В языковых трех соснах» — в трех языках, которыми я пользуюсь попеременно: русский, польский, французский.

* * *

Никому ничем не поклянусь,
неверна ни речи, ни призванью,
в языковых трех соснах запнусь,
балкой легши рухнувшему зданью.

Но зато, пока мне быть живой,
зубы стиснув, без слезы и стога,
буду биться в стенку головой,
древоточцем в непрогрыз бетона.

Обращено к моим друзьям-полякам: «ваша старшая сестра» — трансформация «русского старшего брата». стихотворение, первоначально написанное по-польски.

* * *

Где-то море, где-то парус,
где-то волны и ветра.
Я вдали от моря старюсь,
ваша старшая сестра.

Океанской серой солью
оседает на виски
все, что было просто болью,
все, что забрано в тиски.

За окном моим не волны,
за окном моим — ветра,
и короткий всхлип невольный
просыхает до утра

стихотворение, первоначально написанное по-польски

Заглавие соответствует истине, первоначальный польский вариант не сохранен.

А верлибры —
их-то я клеить могу по-французски и даже по-польски.
Как колибри,
запорхают, неся ко мне в клювике славу, а то и какие
копейки.
Только хмурюсь,
сомневаясь, сумеет ли бедный стишок ну в каком-нибудь,
скажем, Подольске,
не рифмуясь,
любовой ли, детской размах сообщить колыбельке

* * *

Агнешке Холланд

Агнешка Холланд — польский кинорежиссер. Стихотворение написано под впечатлением от ее кинофильма «Горячка» о боевиках ППС во время революции 1905

Это позже, льдисто-неистов,
Блок напишет: «Эх, эх, без креста!»
А пока — детский жар у бомбистов,
небо чисто, и совесть чиста.

А пока из горячки девичьей
еще пышет скончавшийся век,
даже желтый дом — идилличней,
чем Казанский не Ноев ковчег.

Ах, бомбисты, идеалисты,
террористы, боевики,
кабы знать вам, какую карту
(с ностальгией по Первому марту)
вы сдаете миру с руки...
Ночь мутна и рассветы мглисты
над простором полярной реки.

* * *

*Лирика, лирика.
нежная динамика...
(Из Галчинского)*

Эпиграф (неточный перевод) из Галчинского: «Liryka, liryka, /tkliwa dypatika». Здесь, кроме эпиграфа, ничего «польского» нет, но эпиграф — всегда важный компонент стихов.

*Рояль был весь раскрыт — и ничего смешного:
дрожали струны в нем — и струны в нем дрожали.
До судорог над ним фельетонисты ржали,
и содрогалась в такт поверхность заливного.*

Дела минувших дней, теперь не разберешь,
взаправду ли, потом сочинено ли,
но пробежала по кабацкой пианоле
под этот смех всамделишная дрожь.

Нерис — река, на которой стоит Вильнюс и которая по-польски называется Виля. Вскоре после того, как я это написала, я прочла стихотворение Милоша со строкой: «...текла Виля или Лета...», — и по дате обнаружила, что оба написаны примерно в одно и то же время. Меня так поразило это одновременное уподобление одной и той же реки (под разными названиями) Лете, что я взяла милошевскую строку эпиграфом к своей книге «Где и когда».

* * *

Боюсь — не доберуся
до тутошней Леты до устья
до следующего лета,
и это

глаз застилает влагой,
в ухе шуршит бумагой
скомканной и летящей
с моста в самый долгий ящик.

Ars longa, a vita brevis.
Впадает ли Лета в Нерис
или, приток потёмок,
— в Потомак,

над которым когда-то
я не сводила взгляда
с мелькающей нам на тропинке
беличьей спинки

Это мицкевичевский пейзаж:
«По диким пространствам, по снежной
равнине / Летит мой возок, точно
ветер в пустыне. (...) Чужая, глухая,
нагая страна — / Бела, как пустая
страница, она» («Дзяды»: «Отрывок
части III: Дорога в Россию»,
пер. Левика)

* * *

Там тернии в снегу
манят своей короной.
Там ветер на бегу
срывает с оголенной

ольхи последний лист,
свернувшийся в колечко.
Там колок и змеист,
как вымерзшая речка,

чуть брезжущий рассвет,
едва в поземке зримый.
Там замечает след,
и бел необозримый

там чистого листа
простор, ничем не занят,
и эта пустота
зовет и в бездну тянет.

* * *

Я живу на улице Гей-Славяне,
у меня под окнами молоток отбойный,
и в глазах от грохота бяло-червоно.
Я сижу за рулем, управляю словами,
и словам не тошно, хоть бывает больно,
и слова развеваются, как знамена.

Как знамена разные — разного дела,
разной нации, разного паньства
и самого разного скрытого смысла.
И под ними идут водолей и дева,
и лев и ягненок, и пастырь и паства,
и большая медведица, и большие числа.

И в асфальт вгрызается молотком отбойным
тот, кто вышел на поиски самого себя же
под вещей поверхностью, под их оболочкой.
Тот, кто станет тогда совершенно свободным,
когда услышит: «На тобі, небоже»,
— и замрет как вкопанный с пустою ладошкой.

de revolutionibus orbis

Генеалогичное древо
поэзии тряс листопад,
тишайшая Анна Андревна
кидалась в морозные дровни,
и рухал под лед Летний сад.

Гелиоцентричный Коперник
валился с овальных орбит
и, в звездный закутавшись пыльник,
крошился, как торунский перник,
под вяземский пряник обрит.

Что мне! и без благословенья,
и без благодати и без
открывшегося откровенья
рублю я на рифмы поленья,
и щепки срastaются в лес.

*Я жила на улице Гей-Люссака.
«Переименовав» ее в «Гей, славяне!»,
я «ославянила» и язык. «Бяло-червоно» — по-польски бело-красно (польские национальные цвета). «Паньство» — государство, используется и как обращение к любому множеству лиц обоего пола (начиная с двух).*

Латинское название сокращенно повторяет заглавие трактата упоминаемого в стихотворении Коперника «De revolutionibus orbis coelestis» («О коловращениях небесных тел»), превращаясь в «О коловращениях миров»; «торунский перник» — знаменитый торунский пряник: Коперник работал в Торуне, в те времена Торне («Поляком или немцем был Коперник?» — Милош, «Поэтический трактат»).

«Тшимай се» — «держись», любимое прощальное приветствие поляков. Но я сама под «заезжим поляком» представляю себе подпольного (в те времена) издателя Марека Кравчика, который потом стал легальным издателем в Варшаве «Континента» (когда мы потеряли издательство в Германии и до перевода издания в Москву)

ПОТЕРЯННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Утреннее вытрясание носков из брюк.
Так, что ни день, против воли начинаешь жить.
Чувствуешь себя тушей, нанизанной на крюк.
И только одно себе говоришь: «Держись».

«Тшимай се», как бросает, прощаясь, заезжий поляк.
Никто не видит продетого под ребра крюка.
Просыпаются сопки, не спит на заре гаолян.
Скользит по волнам всеобщего тень каюка.

Но — «держись» — в под завязку набитом вагоне метро,
у стойки, выгребая мелочь из-за подкладки плаща,
в наборном цеху, превращая темно в светло и светло в темно,
возле крана мертвые раны живою водой полоща.

«Негорелый лес» — символ моего первого возвращения на родину: поездом из Варшавы (июнь 1992). До II Мировой войны пограничной станцией на въезде в СССР было Негорелое.

ВОСЬМИСТИШИЯ

1.

На Оршу, на Ржев, на Моршанск,
на лысые лбы и пригорки,
пропащий нашаривать шанс
в просыпанной пачке махорки,

пропавший нащупывать пульс
в изгибе дрожащего рельса,
в проталинах таённый путь
среди негорелого леса.

* * *

На вербах наши скрипки,
наши смычки на ивах,
неутомимые рыбки
в потоках и заливах,

блестя сусальным золотом
подсолнечных плавников,
подпрыгивают над омутом,
над отраженьем смычков.

Кронам сим остролистым
и спящим под ними гуслистам
подай же если не счастья,
то хоть минуту участия.

На ивовых сучьях скрипица,
ее отражение мутится,
вспорхнула из омота рыбица,
за нею охотится утица.

«На вербах наши скрипки, / наши смычки на ивах...» — в русском переводе Псалтири: «При реках Вавилона, там сидели мы, и плакали, когда вспомнили о Сионе. На вербах посреди его повесили мы наши арфы» (Пс 136,2). Скрипки появились из старого польского перевода этих слов: «Na wierzbach nasze skrzypce...». Теперь и в польском переводе, т.н. Библии Тысячелетия, не только скрипки заменены арфами, но и вербы, они же ивы, — тополями.

* * *

Ане Горской

Мати моя, мати,
Скоро ль грибы брати?
Босой пяткой по росе,
По вспаханной полосе.

Чадо мое, чадо,
Брать грибы не надо,
Босиком в траве шуршать,
Пограничных искушать.

Мати моя, мати,
Что бы мне сломати?
То ли тын, то ли овин,
То ли медный исполин.

Доню моя, доню,
Не дай себе волю,
Не твори, чего нельзя,
Не туды твоя стезя.

Где же она, мати?
Ни мостков, ни гати,
Мир в болоте, как во зле,
Нету правды на земле.

Бэби мое, бэби,
Правда есть на небе,
Прямо к ней иди домой
Лесенкой невидимой.

НОВЫЕ ВОСЬМИСТИШИЯ

6.

Ласки и благодати,
милости и любви
некому кроме подати
Тебя Одного, Господи.

Редкие миги смиренья
и из-под снега в стихи
собранные коренья
прими от меня, Господи.

Аня Горская, которой посвящено стихотворение, — моя приемная дочка, полька. «...Скоро ль грибы брати?» — от «grzybobranie» — сбор грибов.

Здесь идет игра на западнославянских омонимах русских слов: польск. łaska — милость, благодать, miłość — любовь; и, наоборот, чешск., словац. láska — любовь, milost — милость, благосклонность.

Эти восьмистишия, особенно 8-е, — ответ на вопрос «панельной дискуссии» на краковском фестивале (встрече поэтов Востока и Запада 4-6 окт. 1997): «Научилась ли чему-нибудь поэзия от истории XX века?»

exegi monumentum

8.

История поэзию не учит,
поэзия историю — тем паче,
и кто кого по пересылкам мучит,
не зарифмуешь...

Умри, мой стих, нечесаный, невытый
и, проявивши нрав, лишенный прав.
Невинно убиенный Лжедмитрий,
заряжен в пушку, падает стремглав.

10.

История поэзии сестра
и только.
Их не регистра не сравнить, ни реестра,
малая толика
семейной схожести в тяжести век,
в манере
рот приоткрыть, но не в дискурсе, нет,
по крайней мере.

Наталья Горбаневская — известная русская поэтесса. Активная правозащитница, в августе 1968 года вместе с шестью своими единомышленниками она вышла на Красную площадь в протесте против вторжения Советской армии в Чехословакию. Подвергалась репрессиям в тюрьмах и психушках. В середине 70-х годов эмигрировала во Францию. Выдающаяся переводчица польской литературы, в частности, произведений Милоша, Херлинга-Грудзинского, Ворошильского. Сотрудница газеты «Русская мысль» и нашего журнала.

Барбара Лабуда

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЕГЕНДУ

Барбара Лабуда. Ученая — историк и политик. В 70-х годах примкнула к демократической оппозиции, организовала подпольные научные курсы. В 1980 г. вступила в «Солидарность». В период военного положения была арестована. Активно участвовала в подготовке и работе «Круглого стола» в 1989 г. Была избрана депутатом Сейма от блока «Солидарности». В 1992 г. вышла из «Солидарности» разочаровавшись в ее консерватизме. Затем покинула и «Унию свободы». Во втором туре президентских выборов в 1995 году поддержала Александра Квасневского. Стала министром в аппарате президента. Занимается вопросами просвещения и воспитания, борьбой с наркоманией и другими наболевшими общественными проблемами.

Образ Польши на страницах «Культуры». 1947-1976.

Подгот. к печати Гражина Помян, Товарищество опеки над архивом «Института литерацкогго» в Париже. Люблин, Изд. Университета им. Марии Кюри-Скłodовской, 1999. Т.1. 441 с.; Т.2. 445 с. (На польск. яз.)

Какой, собственно, является нам с этих страниц наша Польша? А может быть, какой образ Польши был у «Культуры»? Или какова Польша в этом «Образе»? Или, наконец, какова «Культура» в своей собственной антологии? Что мы видим в этих текстах — Польшу такой, какова она была, или такой, как ее воображали? Через какую призму мы смотрим здесь на Польшу: политических мечтаний, программ и прожектов, споров и полемик, истолкования событий — или же описаний, очерков, репортажей, сухих информационных данных?

Разумеется, прежде всего через призму текстов аналитического характера, но это означает, что мы столько же узнаём о Польше, сколько и об эмиграции, об отечественных проблемах и о польском пекле в Париже или в Лондоне (напр., дело Милоша*), о взглядах публицистов «Культуры» и о ее читателях, о политических и гражданских позициях жителей метрополии и эмигрантов. Следует ли сделать из этого вывод, что самой Польши здесь мало? Наоборот, она вездесуща под перьями авторов текстов в их неустанной, до боли волнующей заботе о судьбах страны, в их формировании той бесценной ценности, какой стала независимая мысль свободной Польши.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ

Чтение «Образа Польши» было для меня увлекательным путешествием в прошлое, к истокам формирования этой мысли, а с нею и легенды «Культуры». Это путешествие в высшей степени облегчила Гражина Помян, ведя нас за руку через чащу текстов, благодаря ее усилиям сильно прореженную, в изобилие мыслей, которое она тематически упорядочивает, предваряя каждый раздел крайне интересным введением. Я восхищена прямо-таки гигантским трудом, вложенным ею в отбор и подбор огромного, насчитывающего сотни томов материала, который она сосредоточила вокруг общественно-политических проблем, связанных с Польшей.

Поэтому мы не найдем здесь ни литературных текстов, ни статей об отношениях между великими державами, ни советологических эссе футурологического типа, которые сегодня «только смешат своими пророчествами», ни комментариев к экономическому положению Польши и прочих «стран народной демократии». Нет и множества других интересных вещей, например, хроники событий в Польше и странах восточного блока, с которой многие из нас начинали чтение журнала, но согласимся с пани Гражиной, что они уже принадлежат истории и могут заинтересовать лишь кропотливых исследователей.

Мы получили внутренне цельную подборку текстов, разделенных на семь тематических групп, которые, с сегодняшней точки зрения, соответствуют важнейшим линиям политической публицистики журнала Ежи Гедройца.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАБВЕНИЕ

Почему антология заканчивается 1976 годом? Потому что «в Польше тогда сформировались первые оппозиционные группы, которым „Культура“ открыла свои страницы, превращаясь из эмигрантского журнала в отечественный, — читаем мы во вступительной статье. — С тех пор уже не ограничивались документальной записью, действительности, а пробовали ее преобразить: „Культура“ не только становится политическим журналом польской оппозиции, но в какой то степени и соучаствует в ее создании».

Эта антология — также горькое путешествие в действительность начального периода ПНР, размывающегося в забвении. Из полных отчаяния писем, приходивших в редакцию с родины (да какими поразительными путями — это материал еще на одно повествование), мы узнаём о нарастающем полицейском терроре: «Если кто не пойдет в кино на советский кинофильм, он уже политически подозрительный, и при первом же случае его обвинят в каком-нибудь вымышленном саботаже, и вот он уже сидит». «В шахте „Вуек“ близ Катовиц имело место вот такое

преступление. Когда рабочие отказались выполнять нечеловечески высокую норму добычи угля, наехали палачи (...), открыли огонь (...), на стороне рабочих пало шесть убитых и 14 раненых, на большевицкой стороне пал один красный полицейский» (1950)**.

Первые поездки в Польшу и из Польши на Запад позволяют увидеть условия повседневного быта: «Разница между жизненным уровнем сегодняшнего интеллигента и рабочего почти стерта. Первый питается хуже и скромнее, чем до войны. (...) молоко и хлеб (...) доступны даже самым бедным, лучше зарабатывающий может себе позволить роскошь колбасных изделий или яиц». Мы находим описания не только настоящей, ужасающей нужды, но и лени, наплеватьства, которые трудно объяснить политической системой.

На вопрос, кто такие правящие Польшей коммунисты, какова их внутренняя природа и какие механизмы позволяют им править, Бенедикт Хейденкорн, бывший лагерник и солдат андерсовской армии, отвечает: «Коммунистическая партия, взяв власть в Польше, обладала только поддержкой иностранного государства. Она оказалась перед лицом смертельно усталого, истощенного общества, дезориентированного и питающего иллюзии. И это был козырь партийного руководства. Партия нуждалась в людях для создания государственного аппарата и широко открыла им свои ворота. Не будем закрывать глаза на то, что сотни тысяч интеллигентов воспользовались этой возможностью» (1958). У коммунистического правительства в Польше нет сторонников, считает Станислав Цат-Мацкевич, зато есть множество бессильных врагов, а «извращению такого положения дел служит печать, где журналисты пишут ровно обратное тому, что говорят в частных разговорах» (1965).

Публицисты «Культуры» внимательно регистрируют эволюции позиций и умонастроений поляков: «...при строе, где государство приучает своих граждан к тому, что оно будет за них мыслить

и действовать, легко прийти к уверенности, что тебе все положено», — пишет Ежи Дзялек (псевдоним Джордж Флеминг, 1966).

Взяточничество, пьянство, хамство в поведении и языке, разложение, уличные азартные игры и тайные, для избранных, сутенерство и проституция — все это процветает: «В молодежных заведениях сидят 15-16-летние проститутки в компании альфонсов ненамного их старше, которые приторговывают своих подопечных пожилым господам, жаждущим сильных впечатлений. (...) Неизвестно, есть ли вообще другие заведения, кроме тех, что во власти королей портового полусвета, управляемого невидимыми, но хорошо знакомыми полиции и прокуратуре блатарями» (Ежи Дзялек, 1966).

И в то же время «костел — товар первой необходимости, даже если он стоит на перекрестке улиц Маркса и Строителей. Костелы полны не только стариков, но и молодежи. (...) Удивительным может показаться, что в такой сюрреалистической стране, как нынешняя Польша, растет, собственно говоря, очень реалистическая молодежь. (...) Впрочем, может быть, Польша нам только кажется сюрреалистической, потому что если краковский кооператив “Молодая гвардия” продает пасхальных агнцев, то, видимо, знает, на чем заработать» (там же). В Польше жили, правда, бедно, зато в равенстве — вот мысль, широко распространенная и на Западе, и в самой стране. Этот миф подрывает американская славистка Эва Томпсон (псевдоним Салли Босс): «Классовое расслоение в Польше огромно. Оно касается не только заработков и интеллектуального развития, но и чего-то такого, что я назвала бы жизненными позициями. (...) Среди тех, кто живет на самом деле зажиточно, я заметила поразительное отсутствие интереса к условиям жизни масс» (1976).

ОБОДРЯЮЩИЕ НАХОДКИ

Но в потоке этих описаний мрачной или гротескной действительности мы находим и кое-что весьма приятное. Более того — ободряющее! Одна констатация относится к... кондитерским: «В каждом, даже самом жалком городишке, куда бы я ни заехал, везде я имел возможность покупать пирожные, часто удивительного качества даже в сравнении с Парижем. Струдели, ромовые бабы, маковники распродавались мгновенно, в ожидании новой партии выстраивались очереди, трата 15-20 злотых не отпугивала покупателей» (Мечислав Лурчинский, 1969).

Вторая — частной инициативы: «Меня поразило большое число (притом во всех городах) мелких частных предприятий, как правило, основанных на совместном труде одной семьи. Невероятное число мастерских часовщиков (в стране, где все, как правило, опаздывают), сапожников, печников, маляров, пунктов скупки различных отходов и так далее» (там же).

ДАЛЕКОЕ И ПРЕКРАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Однако воистину огромное удовольствие получаешь, читая сегодня... ошибочные политические прогнозы. Я читаю рассеянные там и сям мнения, согласно которым тоталитарная система прочно укрепилась в Польше, интеллигенция (после 1968 г.) терроризирована и неспособна ни на какие коллективные усилия, рабочие одурманены и запуганы, крестьяне отчуждены и равнодушны к общим делам, а оппозиционная борьба может лишь грезиться, — и с наслаждением оцениваю, какой далекий и прекрасный путь мы прошли. Антология воспроизводит и споры, которые шли вокруг этих вопросов, и расчеты интеллигентских кругов со своими прежними убеждениями после каждого происходившего в стране потрясения — после 56-го, 68-го, 70-го. Расчеты полезные, так как они вели к вызреванию политической мысли и замыслов успешных действий. Следует добавить, что уверенность в неизбежном поражении коммунизма была довольно прочно укоренена у части публицистов «Культуры», а вместе с нею и понимание, что Польшу надо к этому так приготовить, чтобы она стала не только свободной, но и современной, и хорошо пригнанной к преобразующейся Европе. В том, что это будет героический труд, никто не сомневался, ибо отличия государств Восточной Европы от Западной были основаны не только на ином строе, но и прямо на иной цивилизации.

Из моря статей и неизбежно заключенных в них вопросов и ответов: какие цели важны, как к ним стремиться, где искать союзников, — на поверхность всплывает цельное множество полити-

ческих заповедей, которыми, на мой взгляд, руководствовалась «Культура» Гедройца и его близкие, а вероятно, и дальние сотрудники.

В этот своеобразный «декалог» входят такие ценности: независимость Польши, демократия и ее цивилизованные нормы — свобода слова, собраний, свобода объединения, нерушимость гражданских прав, свобода художественного творчества, защита прав национальных и религиозных меньшинств; доброе сотрудничество с соседями Польши и поиски примирения с ними; поддержание в Польше сознания того, что мы родом из европейской цивилизации и должны формироваться и развиваться так, чтобы в будущем приобщить Польшу к Европе; деколонизация, как выражается Гражина Помян, польских умов. Притом в двояком смысле: буквальном, относящемся к защите нынешних границ страны, и переносном — расширения наших интеллектуальных горизонтов. Руководствуясь политическим реализмом, который я тоже включила бы в «декалог» Гедройца, как и его государственническую настроенность, «Культура», вопреки распространенным в эмиграции мнениям, считала, что надо признать новые, послевоенные границы Польши и защищать интересы государства, даже если это ПНР, в той мере, в какой они совпадают с интересами нации.

«Культура» искореняет национальные и культурные предрассудки, антисемитизм и ксенофобию. Без всякого преувеличения можно сказать, что до того, как в середине 70-х в Польше возникла организованная политическая оппозиция (Комитет защиты рабочих и Движение защиты прав человека и гражданина), «Культура» была единственной организацией, систематически и во весь голос выступавшей за права меньшинств в нашей стране на их собственные формы духовности, культуры, образования, языка, нравов.

Особенно много места, что и понятно, она посвящала антисемитизму, описывая и раскрывая как наше отношение к евреям, так и тот факт, что, несмотря на Катастрофу, еврейский вопрос не перестал разделять поляков. «Революция “Солидарности” этих разделений не стерла», — печально замечает составитель.

МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

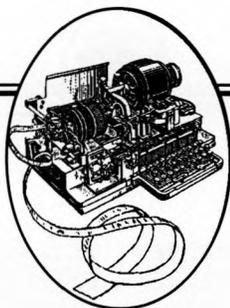
Другая важная черта «Культуры» наряду с твердым и постоянным соблюдением принципов ее «декалога» — чувство своей миссии и связанная с этим политическая дидактика, адресованная как эмиграции, так и людям в Польше.

Я с сожалением закрываю этот великолепный труд, на устах у меня сплошные благодарности всем, благодаря кому я смогла пуститься в это путешествие, поэтому, чтобы не чересчур расчувствоваться, отдам слово Славомиру Мрожеку (1970), чтобы он в заключение мог выразить сомнения, связанные с понятием «социализм» и его воплощением в жизнь в Польше:

*Если что-то чуть есть, а чуть нету
— что ж тогда, есть оно или нету?
Есть ли — хоть никак не называется?
Нет ли — раз никак не называется?
Есть ли, раз не называется, хоть и нету?
Надо ли назвать, уж если есть, чтобы было?
Называть ли?*

* Имеется в виду резко отрицательный отклик в широких кругах эмиграции, особенно лондонской, на переход Милоша, недавнего дипломата ПНР, в политические эмигранты. В тот момент его поддержала и печатала только «Культура». — *Пер.*

** Нет сомнения, что автор рецензии выбрала именно этот пример из антологии «Культуры» не случайно. Здесь содержится трагический намек, понятный любому читающему поляку, но для русского читателя нуждающийся в разъяснении. На той же самой шахте «Вуек» 31 год спустя, в декабре 1981, произошло кровавое подавление рабочей забастовки, вспыхнувшей после объявления военного положения. Погибших шахтеров было еще больше, чем в 1950 (с «большевицкой стороны» на этот раз жертв не было). — *Пер.*

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

✧ Мемориальные мероприятия в 60-ю годовщину уничтожения органами НКВД по приказу Сталина около 22 тыс. интернированных польских офицеров будут продолжаться с 3 марта до 17 сентября. В них будет входить открытие кладбищ в Медном Тверской области (около 6,5 тыс. жертв) — 10 июня, в Пятихатках под Харьковом (ок. 4 тысяч) — 17 июня, в Катыни Смоленской области (ок. 4 тысяч) — 1 июля. Места казни и захоронения еще примерно семи тысяч польских офицеров до сих пор остаются неизвестными. (*«Жечпосполита», 11 февр.*)

✧ «“Простите”, — сказал со слезами на глазах президент Ельцин, когда, положив цветы, стал на колени перед катынским памятником на варшавском кладбище Повонзки 25 августа 1993 года. Этот жест вполне сравним с земным поклоном канцлера Вилли Брандта перед памятником Героям гетто в Варшаве». Эрнест Скальский (*«Газета wyborча», 11-12 февр.*)

✧ Пятеро бывших офицеров-следователей армейской контрразведки предстали перед судом в Варшаве по обвинению в физических и психических пытках генералов и офицеров польской армии, арестованных и осужденных по ложным обвинениям в сталинские годы. Из остальных 15 следователей трое находятся за пределами Польши, место пребывания одного остается неизвестным, 11 умерли. (*«Жечпосполита», 4 февр.*)

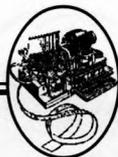
✧ «Перед нами — шанс крупных успехов в повышении уровня жизни и цивилизованном развитии. Мы используем этот шанс при условии, что Польша “засученных рукавов” возьмет верх над Польшей “опущенных рук”. Если мы будем страной, где дела делаются хорошо (...) то бегства капитала не будет. (...)

Если делать дела у нас окажется плохо, то от нас побежит не только иностранный, но и польский капитал». Вальдемар Кучинский, главный советник премьер-министра по экономическим вопросам (*«Газета wyborча», 31 янв.*)

✧ «Достигнутые экономические успехи содействовали возникновению атмосферы самодовольства и даже своеобразного самохвальства с примесью интеллектуальной наглости. Мы считаем, что мы с любой точки зрения лучше наших соседей, а это не так». Проф. Марек Домбровский, глава Центра социально-экономических аналитических исследований, член Совета валютной политики (*«Газета wyborча», 2 февр.*)

✧ «Если мы стали на сторону капитализма, значит, мы стали на сторону капиталистов. Такова логика перемен (...) А предприниматели и работодатели не участвуют в общественном диалоге, плохо представлены в парламенте, в комиссиях Сейма, министерствах, надзорных советах учреждений, расходующих государственные деньги, т.е. везде, где принимаются решения по условиям хозяйствования. А потом они удивляются, что правовые и налоговые меры им невыгодны. (...) С экономикой и государством — как с фирмой: кто не развивается, тот обанкротится. Этого мы не можем себе позволить». Хенрика Бохняж, бывш. министр промышленности и торговли, президент Польской конфедерации частных работодателей (*«Газета wyborча», 7 февр.*)

✧ Правление профсоюзного объединения «Солидарность» и Польской конфедерации частных работодателей создали телефонную «горячую линию» с целью неотложной передачи информации о нарушении прав тру-

дящихся, с одной стороны, и о злоупотреблении профсоюзными правами — с другой. («Газета wyborча», 10 февр.)

★ Польша как страна, где выгодно размещать прямые иностранные капиталовложения, заняла пятое место вслед за США, Великобританией, КНР и Бразилией среди 60 государств, классифицированных по показателю доверия к рынку — FDI Confidence index (в предыдущем году она была на восьмом месте). («Жечпосполита», 14 февр.)

★ Немецкая фирма запустит крематорий в Щецине. Немцы предложили самые выгодные условия: по мнению польских предпринимателей, они намерены зарабатывать на кремации тел, доставляемых из Германии. («Жечпосполита», 2 февр.)

★ Из 2694 польских мясоперерабатывающих предприятий только 23 соответствуют требованиям, принятым в Европейском союзе. («Впрост», 27 февр.)

★ 52% поляков считают, что дела в стране идут в плохую сторону. Противоположного мнения придерживаются 29% участников опроса ЦИОМа. По сравнению с декабрем настроения упали. (ПАП)

★ «Уровень доходов на душу населения в Мазовецком воеводстве достигает уже почти двух третей среднего уровня ЕС и почти достиг уровня доходов в Греции». («Жечпосполита», 8 февр.)

★ Польша не выполняет мировых стандартов в борьбе с отмыванием грязных денег, и ни одно судебное дело по этому обвинению не было доведено до приговора, констатируется в докладе экспертов комитета Совета Европы («Газета wyborча», 14 февр.)

★ Лех Валенса: «Многих сегодняшних больших людей следует посадить. Порядок, прежде всего порядок. Навести порядок с гангстерами, с мафиози, с политическими деятелями, с профсоюзными деятелями». («Жечпосполита», 17 февр.)

★ В Белостоке две журналистки предстали перед судом за то, что одели памятник «Солидарности» в собственноручно сшитые женские трусики. («Жечпосполита», 10 февр.)

★ В прошлом году выявлено 150 преступников, работавших в полиции. Полагают, что это лишь верхушка айсберга. («Впрост», 27 февр.)

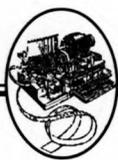
★ 6,5 млн. дел было передано в польские суды в 1998 году. Число нерешенных дел к концу 1998 г. составило 8 миллионов. («Жечпосполита», 3 февр.)

★ Объявление: «И ТЫ можешь иметь свою клетку для пойманного вора. Цена 2000 зл. нетто. 0603-915-700». («Жечпосполита», 29-30 янв.) По словам производителя, клетки для вора продаются вовсю: «Как горячие пирожки — только сегодня получил пять новых заказов». («Газета wyborча», 1 февр.)

★ «Национальный совет судебных органов серьезно обеспокоен прекращением уголовных дел за истечением срока давности. (...) Это ведет к подрыву основ правового государства». Судья Влодзимеж Ольшевский, председатель Национального совета судебных органов («Газета wyborча», 17 февр.)

★ «Утвердил ли Сейм Уголовный кодекс с запятой или без нее, и какой вариант подписал президент?» — такой вопрос задал Верховный суд начальнику канцелярии Сейма и секретарю совета министров. От ответа зависит судьба одного обвиняемого. («Жечпосполита», 5-6 февр.)

★ По данным опроса о доверии населения к политическим и государственным деятелям: Александр Квасневский — 78%, Яцек Куронь — 67, Ханна Гронкевич-Вальц — 64, Бронислав Геремек — 57, Тадеуш Мазовецкий — 57. Результаты опроса о недоверии: Мариан Кшаклевский — 54%, Лешек Бальцеревич — 53, Лех Валенса — 51, Ежи Бузек — 48, Анджей Леппер — 44. (Опрос ЦИОМа, «Газета wyborча», 1 февр.)

★ Премьер-министр Ежи Бузек «обручился» с Балтийским морем, кинув в волны позолоченный перстень. Перстень был привезен актером на коне, изображавшим генерала Халлера, который первым совершил такую церемонию 80 лет назад. Шесть епископов сослужили обручальную мессу. (*«Газета wyborча», 11 февр.*)

★ Полтора миллиона поляков старше 35 лет страдают нарушениями эрекции. (*«Жечпосполита», 15 февр.*)

★ Лех Валенса о том, как правит «Солидарность»: «Сперва четыре часа правят, потом четыре часа протестуют против этого правления». (*«Жечпосполита», 10 февр.*)

★ На выставке «Экспо-2000» в Ганновере Польша представит свои достижения в изучении космоса от Николая Коперника до Александра Волщана, первым открывшего планеты за пределами Солнечной системы. (*«Жечпосполита», 4 февр.*)

★ Польша не будет нуждаться в атомных электростанциях, постановил экономический комитет совета министров. План строительства АЭС будет изъят из проекта основ энергетической политики. (*«Газета wyborча», 4 февр.*)

★ По уровню выброса окислов азота и серы в атмосферу Польша занимает одно из первых мест среди европейских стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития. Ежегодный выброс составляет 2,2 млн. тонн двуокиси серы, 1,1 млн. тонн двуокиси азота, 1,1 млн. тонн пыли. (*«Жечпосполита», 31 янв.*)

★ «Концерт на гробу (однострунном) можно увидеть сегодня и завтра в 18 ч. в галерее №1 Центра современного искусства в Варшаве». (*«Газета wyborча», 9 февр.*)

★ Квартиры, окна которых выходят в парк или сквер, почти на 20% дороже. Чем ближе к озелененным территориям, тем выше цена. Разница может достигать тысячи злотых за квадратный метр. (*«Газета wyborча», 9 февр.*)

★ На вырубку кустов и деревьев на территории своей недвижимости нужно получить разрешение войта, бурмистра или президента города, которые могут поставить свое согласие в зависимости от пересадки этих кустов и деревьев в другое место либо замены их другими. Предписание не относится к фруктовым кустам и деревьям. (*«Жечпосполита», 31 янв.*)

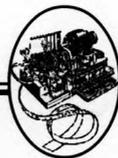
★ По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 1990 и 1999 гг. численность населения составляла соответственно 38,183 и 38,654 млн.; число пенсионеров всех видов — 7,104 и 9,453 млн.; число безработных — 1,126 и 2,35 млн. Продолжительность жизни в 1990 и 1998 гг.: у женщин — 75,5 и 77,3 года; у мужчин — 66,5 и 68,9. Поголовье скота в 1999 г. по сравнению с 1998-м уменьшилось: овец — на 12,1%, свиней — на 5,8, крупного рогатого скота — на 5,6.

★ На вокзале в Кошалине трое пьяных подростков избили патруль армейской жандармерии. (*«Газета wyborча», 23 февр.*)

★ «Глубокий кризис дисциплины разлагает армию снизу», — сказал замминистра национальной обороны Роберт Липка. (*«Жечпосполита», 3 февр.*)

★ «Привилегия членства в НАТО — гарантия безопасности: нападение на одну страну квалифицируется как нападение на все. Но ничего не бывает задаром. Чтобы пользоваться той привилегией, каковую составляет предоставление Польше эффективного оборонительного “зонтика”, вы должны понести серьезные расходы». Джордж Робертсон, генеральный секретарь НАТО (*«Впрост», 6 февр.*)

★ Польские корабли сохраняют боеспособность благодаря запасным частям, которые группа российских офицеров крадет на кораблях Балтийского флота в Калининграде, после чего их перебрасывают контрабандой и продают фирме «Пертрон» в Гданьске. (*«Газета wyborча», 15 февр.*)

★ «Экономическая ориентация России сейчас имеет два направления: одно — это Европейский союз, в который мы в перспективе хотим вступить, второе — Восточная Азия, где у нас теперь большие возможности развития (...) Обе страны [Россия и Польша] имеют общую цель, стремясь к вступлению в ЕС, хотя для России еще трудно определить, когда это должно произойти». Сергей Кириенко, бывший премьер-министр РФ («Жечпосполита», 1 февр.)

★ Поляки боятся делать инвестиции в России, «так как об этом рынке недостаточно настоящей информации. Чаще всего мы читаем о России в контексте мафиозных разборок, преступлений и т.п. Это, конечно, существует, но 90% общества ничего общего с мафией не имеют, трудятся, зарабатывают и ходят в магазины за покупками». Торговый консул Польской Республики в Калининграде Анджей Збуцкий («Жечпосполита», 31 янв.)

★ Мнение поляков об отношениях Польши и России изменилось после высылки девяти российских дипломатов. По данным ЦИОМа, число респондентов, оценивающих их негативно, возросло с 17 до 37%. «Такова горькая цена этого решения (...) Однако если кто-то счел, что лучше это сделать с шумом, то теперь пусть скажет, как работать над тем, чтобы оба общества не вернулись к ненависти времен ПНР и СССР». Петр Пацевич («Газета wyborcha», 24 февр.)

★ 23 февраля несколько молодых демонстрантов против войны в Чечне вторглись на территорию российского консульства в Познани, уничтожили российский флаг и повредили фасад здания. Постовой не вмешивался, а подкрепления запоздали. Польский МИД выразил сожаление об инциденте. Российский МИД передал ноту протеста, отозвал посла и отменил визит министра иностранных дел в Варшаву. Сейм выразил сожаление, а Дума потребовала следствия и наказания виновных. Президент Познани принес извинения и обязался покрыть расходы на ремонт. На пятирех полицейских заведены дис-

циплинарные дела. Ответственность понесут участники инцидента, личность их уже установлена, и у них отобраны личные документы. Они принадлежат к той же группировке, члены которой во время визита президента Квасневского в Париж забросали его тухлыми яйцами. («Газета wyborcha» и «Жечпосполита», 25 и 26-27 февр.)

★ «Управление инспекции при главном коменданте полиции установило, что 23 февраля 2000 г. познанская полиция допустила существенные упущения при охране генерального консульства Российской Федерации во время нелегальной демонстрации членов комитета «Свободный Кавказ». Окончательные данные управления инспекции показывают, что полиция в Познани:

— не произвела достаточной оценки потенциальных опасностей;

— не обеспечила охрану консульства во время демонстрации;

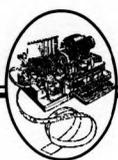
— по прибытии на место происшествия не приняла никаких мер вмешательства по отношению к находившимся там лицам, совершавшим преступление.

Главный комендант полиции ст. инспектор Ян Михна приказал:

— снять с занимаемой должности заместителя городского коменданта, который во время демонстрации контролировал действия полиции в Познани;

— снять с занимаемой должности коменданта комиссариата Познань-Ежице, непосредственно отвечающего за охрану консульства;

— завести дисциплинарные дела еще на 12 полицейских, в т.ч. заместителя коменданта воеводской полиции в Познани, городского коменданта полиции в Познани и дежурного офицера воеводского командования полиции в Познани. Полиция уже собрала доказательства, позволяющие предъявить обвинения, и установила личность тех, кто уничтожил флаг Российской Федерации и повредил фасад генерального консульства в Познани. Рай-

онная прокуратура начала следственное дело. Сегодня одному из участников инцидента, Витольду Д., уже предъявлены обвинения». Пресс-секретарь ГК полиции ст. комендант Павел Бедзак («Газета wyborча», ??? февр.)

★ Об инциденте 23 февраля высказываются — вице-консул РФ Игорь Очепков: «Это, вероятно, была месть за годы разделов и коммунизма»; главный редактор «Газеты wyborчей» Адам Михник: «Топтать флаг другой страны — акт, противоречащий польской традиции (...) Это прямое варварство»; Славомир Поповский из газеты «Жечпосполита»: «...прахом пущены все наши предшествующие старания нормализовать отношения с Россией, а в Москве мы облегчили задачу тем, кто издавна (...) создает образ Польши как патологически антирусского государства» («Газета wyborча» и «Жечпосполита», 25 и 26-27 февр.). Редакция «Новой Польши» разделяет вышеприведенные мнения.

★ Поездку «Ландровером» из Польши на Урал через Новгород Великий, Вологду, Котлас, Сыктывкар, Ухту и Вуктыль совершила Люцина Цивка. Вернувшись, она, в частности, написала: «...не подтверждаются повести ужаса о бандитах, подстерегающих каждый заграничный автомобиль, и о взяточниках из милиции, требующих дани за проезд. Нашу колонну ярко оклеенных машин всюду принимали с симпатией и интересом (...) Люди охотно делились советом и помощью (...) Не раз во время путешествия по Северу мы слышали, что нет проблем, которые нельзя было бы решить. Это нас ободряло». («Жечпосполита», 11 февр.)

★ Янина Охойская, президент «Польского гуманитарного действия», после поездки в Ингушетию: «За день до моего отлета из Ингушетии в один лагерь привезли из Грозного останки двух женщин. Российские военнослужащие сначала изнасиловали этих женщин, затем убили и после сожгли их тела. Женщины умоляли меня рассказать миру, что их

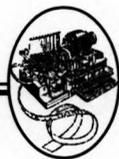
народ уничтожают. Чеченцы убеждены, что мир ничего не знает об этом преступлении. Ибо если бы знал — не позволил бы такое творить». («Жечпосполита», 17 февр.)

★ Варшавские рестораны с русской кухней предлагают: «Царина» [название «Tsarina» имитирует немецкое слово «Царица»] — сибирские пельмени за 42 зл., кулебяка с рублеными яйцами, к ней белые грибы и борщок, ароматизированный антоновкой, за 35 зл., рыбный суп уха, закаленный пылающими березовыми поленьями, за 65 зл., оленина, маринованная в хлебном квасе, на соленых боровиках с корзинкой ягод за 120 зл.; «Царица Екатерина» — белужья икра за 108 зл., блины с икрой за 86 зл., кабан под соусом из боровиков за 108 зл., серна под вишневым соусом за 102 зл. («Газета wyborча», 7 февр.)

★ «То, что немцы в свободной Польше перестали быть гражданами второго сорта, что они преодолевают чувство обездоленности в польском государстве, — это самое важное достижение Общественно-культурного товарищества немцев в Опольской Силезии за десять лет, прошедших с его регистрации», — сказал опольский воевода Адам Пензёл. У товарищества свыше 750 депутатов на разных уровнях местного самоуправления, 31 бурмистр, пять старост и два депутата в Сейме. («Газета wyborча» и «Жечпосполита», 21 февр.)

★ По постановлению Апелляционного суда впервые утратил свой мандат депутат Сейма, получив также запрет на 10 лет занимать государственные должности. Апелляционный суд подтвердил постановление суда первой инстанции, согласно которому 30 лет назад депутат Тадеуш Матыек был сознательным секретным сотрудником органов госбезопасности, что — факт, который он скрыл в своем люстрационном заявлении. («Жечпосполита», 18 февр.)

★ Роман Малишевский, директор ресторана в Сейме, на вопрос: «Пьют ли депутаты?»

— ответил: «Почти совсем не пьют. Сплошные какие-то непьющие — или экономят. Я работаю в Сейме 20 лет. 15 лет тому — вот тогда пили, может, потому что водка была дешевле. А теперь? За неделю у меня уходит полтора-два литра водки». (*«Газета wyborча», 18 февр.*)

✳ Совет варшавского Центрального района запретил продажу алкогольных напитков в зданиях Сейма и Сената и в депутатской гостинице в отместку за снижение парламентом вознаграждения членов местных органов самоуправления.

✳ «Поляки считают совершенно естественным, что депутаты голосуют (...) вопреки установке своей парламентской фракции и вопреки мнению своего премьер-министра (...) В западных парламентах случаи нарушения дисциплины крайне редки, у нас, к сожалению, часты». (*«Газета wyborча», 31 янв.*)

✳ Парламентарии должны оглашать дополнительные доходы, подарки ценой свыше 340 зл., заграничные поездки и прочие корысти и льготы. Первый заместитель премьер-министра Бальцерович получает много подарков, но, как правило, передает их на аукционы, а вырученные деньги предназначает на благотворительные цели. Однако он оставил рубашку, галстук, ожерелье из искусственного жемчуга и клипсы. Депутат Цезарий Стрыек получил в подарок 600 презервативов общей стоимостью 400 зл. (*«Газета wyborча», 7 февр.*)

✳ За взяточничество арестован Лешек Б., директор Вроцлавского управления городскими кладбищами. (*ПАП*)

✳ В результате реформ значительно уменьшились задачи и полномочия центральных учреждений, что, однако, не привело к сокращению штатов: в некоторых министерствах чиновников даже прибавилось. (*«Тыгодник повшехны», 20 февр.*)

✳ После создания Корпуса гражданской службы первые 240 сотрудников государст-

венной администрации сдавали экзамены на должность чиновника гражданской службы. Экзамен сдали только 42 человека. На экзамене, в частности, было необходимо продемонстрировать умение формулировать мысли письменно. (*ПАП*)

✳ «По министерским данным, всего лишь 1% студентов — родом из сельской местности. Аттестат зрелости имеет каждый десятый сельский житель, в то время как в городе — свыше трети. В результате каждый третий сельский житель — безработный». (*«Газета wyborча», 7 февр.*)

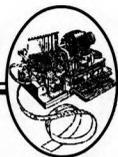
✳ Доля учащихся польских школ, изучающих иностранные языки, составляет: английский — 34,5%, немецкий — 25,2, русский — 18,1, французский — 4, латынь — 0,7. (*По данным ГСУ*)

✳ Доступ к Интернету имеет одна школа из шести. В каждом районе есть по крайней мере одна школа с доступом к сети. Утром на компьютерах работают дети, вечером — учатся родители. (*«Газета wyborча», 1 февр.*)

✳ Число пользователей Интернетом в прошлом году удвоилось и приближается к 11% населения. У трети пользователей нет своего компьютера. 9% пользователей живут в сельской местности. Одна из причин роста числа пользователей Интернетом — большое число компьютеров в школах, снабженных ими в рамках ввода в действие программы «Интернет в каждом районе». (*«Жечностолита», 8 февр.*)

✳ Богатый выбор польской и иностранной литературы, включая произведения классиков, по цене 4,99 зл. за килограмм предлагает варшавский супермаркет «Хит». (*«Жечностолита», 15 февр.*)

✳ Семь польских телеканалов обязались с марта помещать значки-предостережения в начале программ. Оранжевый кружок с треугольником внутри означает, что программу могут смотреть дети с согласия родителей. Красный кружок с квадратом в середине — что программа предназначена исключительно

но взрослым. Значки будут оставаться на экране в течение трех минут. Каждый канал на основе общих рекомендаций самостоятельно решает, как квалифицировать ту или иную программу. (*«Жечпосполита», 10 февр.*)

✧ В документальном фильме о польских волках, показанном по британскому телеканалу «Дисковери ченнел» 2 февраля, волка, пойманного в сеть, удерживали на месте несколькими вилами. Зверь истекал кровью. Потом ему сделали усыпляющий укол. Британский комментатор был потрясен. В цивилизованном мире животных усыпляют без стресса — выстрелом усыпляющего средства с большого расстояния. (*«Жечпосполита», 10 февр.*)

✧ «Всякий, кто хочет иметь собаку, должен быть готов к расходам. (...) Дешевле всего животные, забираемые из убежищ (...) Однако нужно понимать, что собака из убежища накопила “багаж переживаний” и, возможно, никогда уже не обретет полного психического равновесия». (*«Жечпосполита», 4 февр.*)

✧ 32 тыс. дел по заявлениям о применении насилия в семье вела прокуратура в прошлом году. По 22,7 тыс. дел установлен состав преступления. Суды осуждают 13 тыс. человек в год за мучительство членов семьи.

(По данным Центра прав женщин, *«Газета выборча», 22 февр.*)

✧ Каждый год суды осуждают около полутысячи лиц, виновных в мучительстве детей. В 1999 г. произошло 31 детоубийство, 46 детей были брошены (один случай — со смертельным исходом). Больше всего детоубийств — 59 — зарегистрировано в 1992 г., больше всего брошенных детей — 77 — в 1997-м, брошенных со смертельным исходом — 4 — в 1998-м. (*«Пшеглэнд тыгоднёвы», 9 февр.*)

✧ Число детей, избитых родителями или опекунами, за последние годы возросло в два, а может быть, и в три раза, считает доктор Юзеф Пасерб, единственный в Варшаве су-

дебно-медицинский эксперт по таким делам. (*«Газета выборча», 8 февр.*)

✧ Архиепископ Юзеф Житинский: «Наше отношение к чужому страданию остается показателем нашей культуры (...) Я с горечью думаю о том, что жители Африки с большей культурой относились к прокаженным в лепрозории, которых я посещал, чем в некоторых наших городах католики относятся к больным СПИДом». (*«Газета выборча», 12-13 февр.*)

✧ Большинством в семь голосов (202 против 195) Сейм изъял из присяги, приносимой учителями, обещание воспитывать в согласии с «принципами гуманизма, социальной справедливости и свободы совести», заменив его словами: «...в духе любви к национальным традициям». (*«Газета выборча», 19-20 февр.*)

✧ Ежи Гедройц: «[Польское] общество, как мы хорошо знаем, незрелое. Это очень нелегко сказать, но мне кажется, что это общество одичалое». (*«Газета выборча», 11 февр.*)

✧ Вот два фрагмента из сочинений учеников 8 класса неполной средней школы №10 в Замостье на тему «Мне 30 лет — я в XXI веке»:

Лукаш: «Дела на земле обстоят ужасно. Некоторые жалеют, что не оправдались предсказания конца света (...) Сегодня только самые богатые могут позволить себе такую поездку [на Марс]. Нужны особые визы и разрешения, а у меня нет возможности дать взятку пилоту космического корабля». Аноним: «Собачья жизнь! Животные человечнее людей». (*«Газета выборча», 17 февр.*)

«НЕ ОПУСКАЙ РУКИ, А ТО УПАДЕШЬ»

С проф. Анной Подгайской беседует Агнешка Федорчик

Профессиональная жизнь проф. Анны Подгайской — это прежде всего исследования по генетике и генной инженерии. Однако ее страсть и самое большое жизненное приключение — все еще недооцененная в Польше биотехнология, поиск промышленного применения биологических открытий. Проф. Подгайская шесть лет назад создала в Гданьске Межвузовский факультет биотехнологии. Два года назад благодаря ее деятельному участию возник Центр внедрения технологий. Она неоднократно получала премии министра за организационную и исследовательскую работу. В 1999 г. она стала лауреатом премии I Конгресса по биотехнологии за достижения в области коммерческого использования биотехнологий. Она — единственная полька, выдвинутая в этом году международной научной общественностью на премию «Л'Ореаль» им. Елены Рубинштейн, присуждаемую под эгидой ЮНЕСКО выдающимся женщинам-ученым.

— *Стыдно ли зарабатывать на науке?*

— *В Польше многие ученые считают благородным занятием только фундаментальные исследования, так называемую чистую науку. А я считаю, что занятия прикладной наукой — это большая заслуга. В фундаментальных исследованиях результаты служат углублению знаний о природных явлениях. В биотехнологии, которой занимаюсь я, мы используем новейшие биологические открытия для производства лекарств, продуктов питания, косметики. Разумеется, прикладные науки выросли из фундаментальных, без которых они не могли бы существовать.*

— *Вы работали в лучших генетических лабораториях мира. Вы могли сделать карьеру «чистого ученого». Что привлекло вас в биотехнологии?*

— *По натуре я практична, как, наверное, большинство женщин. Когда я занялась наукой, меня стала неотступно преследовать мысль: как все это может пригодиться людям? Многому я научилась в США, где сотрудничество науки и производства — обычное дело.*

— *Вы получили медицинское образование. А пожалуй, нет профессии более практической и полезной, чем профессия врача.*

— *А журналист? Тоже профессия, которая служит людям. Когда я училась в гимназии, я мечтала стать журналисткой.*

— *Однако планы изменились...*

— *Всякую работу нужно делать тщательно и на совесть — этому меня научили дома. Но мои гимназические годы пришлось на сталинские времена. Боже, думала я, ведь в журналистике меня ждет рабская участь.*

— *И тогда вы выбрали медицину.*

— *Подумывала я и о том, чтоб изучать внешнюю торговлю, мечтала поехать, посмотреть на мир. Но настоящее откровение наступило, когда я прочитала несколько книг, касающихся невидимого мира.*

— **Черная магия?**

— (Смеется.) Нет. Невидимый для невооруженного глаза мир микроорганизмов. Вот это действительно потрясающе, подумала я. Проникнуть в него трудно, и все-таки люди его изучают. А сколько от этого пользы. Но в Гданьске изучать микробиологию было негде, а моя мама предпочитала, чтобы дочка была у нее под крылышком. Женщина она была мудрая и сказала мне так: «Если тебя интересуют микробы и ты хочешь помогать людям, почему бы тебе не пойти на медицину?» Ну я и сдала на медицинский факультет, чтобы заняться микробиологией. «В ад заглянул, по дороге ведь было...»

— **Будущий ученый часами корпел над книгами?**

— В гимназии я была старостой чего только можно: школьной библиотеки, биологического кружка, ансамбля песни и пляски. Отличницей я не была никогда. Бывали и четверки, и тройки. Главное — идти вперед и в то же время не отказываться от множества дел, которыми живешь. Когда человек работает в науке, он должен сосредоточиться на какой-то проблеме и бить в одну точку. Но я так не умею.

— **Что было вашим самым крупным научным достижением?**

— Работа над универсальным расщепляющим энзимом, итоги которой мы опубликовали в журналах «Science» и «Methods of Enzymology». В 1981 г. проф. Вацлав Шибальский пригласил меня в Институт онкологических исследований Висконсинского университета. Это был самый прекрасный период в моей жизни ученого.

Мне повезло с учителем, он обладал необычайно творческим складом ума: будь у него хоть сотня сотрудников, для каждого он нашел бы увлекательную тему. Сначала я исследовала доминантные летальные мутации, которые можно использовать для контроля вирусных инфекций у растений. Работа завершилась патентом. Потом занялась генной инженерией. Мы конструировали новые системы, регулирующие синтез белка. Исследовали особый класс рестриктивных энзимов. Это было захватывающее дело.

— **Что вас так поразило в рестриктивных энзимах?**

— Они умны! Они умеют считать нуклеотиды обеих цепочек ДНК, прерывать их там, где следует. Рестриктивные энзимы действуют в клетках бактерий, которые они охраняют, — могут, например, уничтожить вирус, проникший внутрь клетки. Клетка бактерии может служить фабрикой по их производству. Потом эти энзимы изолируют, очищают и продают. Их производят биотехнологические фирмы, а покупают все лаборатории, занимающиеся генной инженерией.

Другая работа, которую я очень любила, — это исследования конструкции бактериальных векторов, которые позволяют проводить безопасное клонирование даже самого опасного гена — ответственного, к примеру, за производство какого-нибудь токсина. Наш вектор был сконструирован так, что вопрос о том, будет синтезирован белок или нет, зависел от решения исследователя. Эта идея сегодня используется, в частности, при изучении человеческой ДНК. Кстати, институт проф. Шибальского участвует в знаменитом Проекте изучения генома человека (Human Gene Project). Эта международная инициатива должна привести к подсчету и расшифровке всех генов человека. Знание об этом позволит бороться со многими болезнями.

Никогда больше я не испытывала в лаборатории такого волнения, как тогда, у профессора Шибальского. Вы знаете, когда в собственных руках держишь пипетку с ДНК...

— **У вас был прекрасный старт.**

— Разбег был взят за границей. Но нашу кафедру микробиологии мы создавали в пустом школьном помещении. Все приходилось добывать с боем — оборудование, реактивы... За обыкновенной секционной мебелью мне самой приходилось с ночи занимать очередь в магазин. Преподаватели занимались строительными работами. Конечно, приходили и бригады рабочих, но им нужно было пальцем показывать, где должна быть розетка, а где раковина. А вдобавок потом это еще и не работало. Но я не жаловалась. Когда я впервые поехала в США, меня буквально в жар бросило: Боже, а ведь у нас того нет, этого нет, откуда все взять? Тогда один американец, молодой ученый, сказал мне: «Если у тебя чего-то нет, а ты хочешь, чтобы было, организуй это». Из США я привезла множество техники: ксероксы, компьютеры. Так все и началось.

— **Можете ли вы сегодня посвятить себя науке?**

— Наша кафедра занимается молекулярной диагностикой вирусных и опухолевых заболеваний. Я читаю лекции, веду семинары, руковожу дипломными работами и кандидатскими диссертациями — а кроме того, я менеджер. Достаю деньги для кафедры и для Центра внедрения технологий, которым руковожу.

— **Должны ли ученые сами зарабатывать на исследования?**

— Нет, это отвлекает. Они должны получать гранты на исследовательские проекты — либо от государственного Комитета научных исследований (как в Польше), либо от промышленников (как, например, в Америке). Извлекать выгоду из своих открытий не стыдно, это здравый смысл. Недавно встретила я в США коллегу, закоренелого «чистого ученого». «Может, поговорим?» — Отлично, — отвечаю. — Прямо сейчас? — «Сейчас не могу, у меня деловая встреча». А он как раз что-то открыл и шел учреждать фирму, которая будет это использовать и финансировать дальнейшие исследования. Ученый и фирма? Это унижительно. Такое мышление распространено у нас.

— **Вы рано завели семью...**

— На третьем курсе я вышла замуж за одноклассника по гимназии. Муж был невероятно умен. Отличник! Учился на инженера в Политехническом — по просьбе матери, а в консерватории изучал музыку, которую любил. Теперь он занимается теорией музыки. На четвертом курсе я родила ребенка. Учебу прерывать не стала. Подруга читала мне вслух, а я слушала и нянчила Малгосю. На пятом курсе оказалось, что я снова буду мамой. Тринадцать дипломных экзаменов сдавала, имея двух дочерей.

— **Вам, наверно, кто-нибудь помогал?**

— Мои чудесные родители и чудесная свекровь, доктор Александра Подгайская. Родители мужа родом из Новогородка. Когда в «Пане Тадеуше», наехав на Соплицово, вояки кричат: «Да здравствуют Подгаи» — у меня мурашки по спине бегут. А крестным моего мужа был Соплица... Свекровь моя была педиатром и очень любила детей. Меня тоже. После четырех лет супружества мы развелись, но свекровь жила со мной до конца своих дней. Какое-то время она меня содержала. Согласилась, чтобы я год безвозмездно работала на кафедре медицинской микробиологии, чтоб заслужить ставку и приблизиться к своей величайшей мечте.

— **Вы безвозмездно мыли лабораторную посуду?**

— Утром я шла на стажировку в больницу, после обеда — в лабораторию. Лаборатория выпускала вакцины, которые было не во что паковать. Я впрыскивала воду в ампулы от пенициллина и многократно их промывала. Наконец меня взяли в штат и в аспирантуру. К счастью, за работу неплохо платили — ведь на моем иждивении были дети. Подрабатывала как могла. Мой первый отпуск я проработала в доме отдыха для семей железнодорожников... вот уж была врачебная практика! Настроилась я лечить солнечные ожоги. Открываю дверь кабинета — и чуть замертво не падаю. Очередь тянется до самого леса. Оказалось, железнодорожники обожают лечиться. Они, наверно, хотели исцелиться от всех болезней, которые привезли из дома. Божже, что я тогда пережила! По несколько раз в день звонила свекрови и знакомым врачам — консультировалась.

— **Могли бы вы достигнуть большего, если б не раннее замужество?**

— О, нет! Когда-то я думала, что наука — нечто для меня недостижимое. Зато муж был высокого мнения о моем интеллекте. Как-то он сказал мне: «Слушай, ты с твоим умом наверняка станешь профессором!» Впрочем, он был уверен, что его работа важнее всего. О том, чтобы поделить домашние обязанности, речи не было. Муж писал диссертацию по теории музыки, а я подумала: ладно! Буду заниматься домом, да еще и диссертацию защищу раньше него. И защитила.

— **А он что на это?**

— Он мной гордился. А я поверила, что если при наличии доброй воли приложить некоторые усилия, то можно сделать больше, чем, как кажется, позволяют обстоятельства.

— **А не было такого, что дочерям не хватало мамы?**

— Я работала, как и многие молодые матери. Старалась с толком использовать время, когда была с ними. Спала мало, по ночам стирала, готовила, много читала и писала. Тогда это казалось мне естественным. Тяжело было потом. Впервые я отправилась в США в 1981 году. На Рождество ко мне должны были приехать дочери, я нашла для них школу. Но случилось 13 декабря. Мы не виделись больше двух лет.

— **Легче ли сегодня сочетать карьеру врача с семьей?**

— Сегодня больше возможностей выбора. Мне пришлось выучить английский и ехать за границу — это была единственная возможность улучшить материальное положение. А деньги были нужны отчаянно, я хотела дать дочкам образование. К счастью, я выбрала генетику и молекулярную биологию. Будь я ботаником или зоологом, в Америке у меня было бы мало шансов.

Сегодня молодой врач может неплохо зарабатывать, например, в фармацевтической фирме, продавать лекарства. Может попробовать себя в других профессиях, в рекламном агентстве, в бизнесе. А потом может даже вернуться к профессии врача. У нас было еще одно серьезное препятствие: мы не знали языков. В гимназии изучали русский и латынь, но не английский, к которому относились как к языку торговли. Когда я готовила кандидатскую, мне пришлось переводить резюме исследований. Ох и наказание это для меня было! На языковые курсы — ни времени, ни денег. И я разработала собственную систему: зубрила по пять слов в день, например, в автобусе. По воскресеньям записывала слова, которых не запомнила. Когда в 1974 г. я получила стипендию в Женеве, то начала с интенсивного курса французского. И тут жизнь преподала мне урок. Оказалось, что 95% работающих там ученых — американцы. В результате я подучила английский. Когда в 1981 г. поехала в Америку, то уже могла говорить.

— Ваши студенты знают английский?

— Наши абитуриенты сдают устный экзамен по английскому. А еще я придумала, чтобы защита дипломной работы проходила по-английски. Перед всем факультетом, перед коллегами. На моем дипломном семинаре все по 15 минут излагают тему «in English». Поправляют друг друга ошибки. Наш факультет известен в мире. Американские лаборатории приглашают наших студентов в аспирантуру и докторантуру. Не так давно была у меня выпускница, которая решила защитить диссертацию за рубежом. Поехала на собеседования в Оксфорд, Базель, Гейдельберг и Рим. Везде ее приняли. Она пришла ко мне и спрашивает: «Пани профессор, что выбрать?» — Вы хотели бы выйти замуж за англичанина? — спрашиваю. — «Нет». — А за швейцарца? — «Ох, нет». — За немца? — «Никогда в жизни!» — Может, за итальянца? — «Ну, может быть...» — и поехала в Рим. Смешней всего будет, если в Риме она познакомится с англичанином!

— Прекрасные родители и свекровь, успехи в работе, способные дочери — врач и художница. Вы счастливый человек.

— Я радуюсь жизни, которая мне дарована. Самое раннее мое детское воспоминание — дорога в концлагерь, неопишуемая грязь, разварившаяся картошка, плавающая в воде среди очисток.

Родители у меня были с Поморья, отец строил Гдыню, мама преподавала там в первой польской школе. Когда немцы депортировали поляков, всю нашу семью вывезли в транзитный концлагерь, в Торунь. Оттуда отправляли в другие лагеря. Я помню все, хотя мне было только три года. Когда мы с сестрами заболели корью, мама так плотно завязывала нам лица перед проверкой, что мы едва дышали. Больных детей немцы увозили неизвестно куда.

Мы были там три месяца. Спас нас один немец-антифашист — знакомый папы, который так же, как он, имел перед войной свою строительную фирму. За ящик коньяку он выпросил у коменданта лагеря бабушку, маму, отца, меня и двух моих сестер. Дядю-художника не удалось вытащить, и он попал в Штуттгоф. Меня не покидает чувство, что, раз жизнь мне дарована, я должна в этой жизни кое-что сделать.

Кстати, с детства я была свидетельницей творческих начинаний. Сразу после войны в деревне, где мы жили, мама приспособила здание, оставшееся после немцев, под школу. Устраивала с детьми спектакли для всей деревни. В УНРРА добывала продукты и готовила им еду.

— Вас выдвинули на премию «Л'Ореаль» им. Елены Рубинштейн, присуждаемую женщинам-ученым.

— Это необычная награда, ведь женщинам в науке труднее. Особенно если они хотят иметь семью, дом, детей. Мою кандидатуру выдвинули за научные и организационные достижения. Я не считаю себя выдающимся ученым. Просто нашла на хорошие темы в хороших лабораториях. Так обстоит дело и сегодня.

— Лаборатории на кафедре, которой вы руководите, великолепно оборудованы.

— У нас много грантов от Комитета научных исследований, мы производим и продаем рестриктивные энзимы. Мы живем в такой стране и в такие времена, когда возможность уютных

занятий «чистой наукой» ограничена. Надо создавать промышленность, которая станет местом работы для наших выпускников.

— **А сейчас где они работают?**

— Самые способные идут в аспирантуру. Средняки устраиваются в фирмы и торгуют реактивами — жаль их образования. Некоторые открывают свои биотехнологические фирмы. Для того, чтобы помочь им получать заказы, я создала в Гданьске Центр внедрения технологий. Туда приходят предложения о сотрудничестве со всего мира, просьбы о разработке проблем биотехнологии. Центр привлекает внимание многих финансирующих учреждений, европейских программ.

— **А может быть, Польше не требуется столько биотехнологов?**

— В год мы принимаем 35 человек, у нас конкурс семь человек на место. За 15 лет я больше десяти раз была в США и видела, какая эволюция происходит в научной жизни. Как стремительно развивается биотехнологическая промышленность, буквально поглощая выпускников. У нас тоже так будет.

— **В Польше, наверно, легче заниматься «чистой наукой», чем внедрять новые разработки в производство?**

— Это правда. Однако известно, что в одной только агломерации Гданьска, Гдыни и Сопота существует 25 биотехнологических фирм.

— **Что могут у нас производить биотехнологические фирмы?**

— Наша лаборатория производит энзим Mtel для расщепления ДНК — этим занимаемся во всем мире только мы, пока американцы не начнут. Мы продаем и другие рестриктивные энзимы. Производство небольшое, деньги не то чтоб колоссальные, но на них мы можем закупать оборудование, побольше платить сотрудникам. Я ломала голову, как нам конкурировать с западными производителями. И нашла: косметическая промышленность. Ведь это ужас — ДНК для косметики возить из Парижа! Да в Польше из дрожжей и растений можно делать тонны этого ДНК!

— **Что вы делаете после работы?**

— Как всякая бабушка, занимаюсь внуками — Зосей, Максом, Касей и Кацперком. И своим садом: сиренью, березами, золотым дождем, каштанами. Окончила курсы витражного дела, один витраж сама сделала для дочери. Слушаю классическую музыку, летала на дельтаплане.

— **На дельтаплане?!**

— Преподнесла себе такой подарок на 60-летие. Поверить не могла, что мне уже столько лет. Решила сделать что-нибудь такое, о чем всегда мечтала. В Америке у меня была возможность полететь на воздушном шаре, но знакомый отсоветовал — говорил, там такой страшный шум, что пропадет половина удовольствия. А дельтаплан — он тихий. Меня научил знакомый инструктор: это покрутишь — влево летишь, то покрутишь — вправо. И Боже сохрани ручки опустить — тут же упадешь. Я немного боялась приземляться, но мне сказали, что просто надо бежать, и все будет в порядке.

— **И как там было, наверху?**

— Эх... когда я поднялась... это что-то невероятное! Я летела над деревьями и была так счастлива, что кричала, пела, молилась. Орала людям сверху: смотрите, я лечу! Когда приземлилась, все гордились мной.

— **Я бы побоялась...**

— Да что вы! Бояться нечего!

— **У меня боязнь высоты.**

— У меня такой жуткий страх перед высотой, что на балконе небоскреба мне становится плохо. Но когда летишь — всякий страх исчезает.

— **А если вниз посмотреть?**

— Никакого страха. Ноль. Только необычное, неземное чувство свободы. Вы должны попробовать. Обязательно.

— **А прыжки на резине?**

— Нет, это не по мне.

Анджей Романовский

СИБИРЬ И ПОЛЯКИ

Передо мной лежит солидного объема том (568 страниц большого формата), озаглавленный «Сибирь в истории и культуре польского народа», — итоги работы польско-российской научной конференции, проходившей во Вроцлаве летом 1997 года. Книга вышла под редакцией вроцлавского этнографа и социолога Антония Кучинского. Во времена существования ПНР к сибирской проблематике обращались скорее эпизодически, не касаясь особо мартирологических сюжетов (книги Людвика Базылёва, Зыгмунта Лукавского, Владислава Евсевицкого, Антония Кучинского, Хенрика Скока). В России подобной тематикой занимался Владимир Дьяков из московского Института славяноведения. В Иркутске с 1973 г. выходила научная серия «Ссылные революционеры в Сибири». Однако только минувшее десятилетие принесло результаты, которые можно назвать действительно всесторонними.

О совместных достижениях польских и российских ученых рассказывают в книге Виктория Сливовская и Сергей Кузнецов. Оказалось, что по «польской» тематике Сибири специализируются сегодня такие центры, как Иркутск, Новосибирск и Москва, с одной стороны, и Вроцлав и Варшава — с другой. С началом 90-х в Польше появились серьезные исследования — это книги Эльжбеты Качинской «Сибирь. Самая большая тюрьма мира» (1991), Анны Брус, Эльжбеты Качинской и Виктории Сливовской «Сибирская ссылка и каторга в истории поляков» (1992), Станислава Цесельского, Гжегожа Хрыцюка и Александра Сребраковского «Массовые советские депортации во время II мировой войны» (1993), Малгожаты Гижевской «Поляки на Колыме» (1997), Зофьи

Трояновичовой «Сибирь романтиков» (1992), Антония Кучинского «Сибирь. Четыреста лет польской диаспоры» (1993). В серии «Библиотека ссыльного» выходили «сибирские» мемуары поляков, начиная с «Хроники московской тюрьмы», составленной в XVII веке Адамом Каменским Длужиком, и до знаменитого (но лишь сейчас опубликованного в полном объеме) «Путевого дневника» генерала Юзефа Копетя, первого поляка на Камчатке. Что касается российской стороны, то здесь следует отметить изданную в 1996 г. Иркутским университетом монографию «История поляков в Сибири. (XVII-XIX ст.)». Любопытно, что именно в этом университете состоялась защита первой докторской диссертации по «польско-сибирской» теме, автором которой был ученый из Кракова (Владислав Мясж «Поляки в Восточной Сибири. 1907-1947», Иркутск — Варшава, 1995).

Польско-российское сотрудничество в исследовании сибирской темы представляется совершенно естественным — ведь этот край некогда завоевывали и осваивали представители обеих наций. Известно (в книге об этом пишет Владислав Волков), что «литовские пленные» (а это наверняка включает и поляков) сражались в войске Ермака. В XVII веке мирные договоры между Москвией и Китаем составлялись на двух языках — латинском и польском (переговоры с обеих сторон вели поляки). И авторами первых географических открытий в Сибири тоже были колонисты польско-литовского происхождения (как из семей пленных, так и добровольные поселенцы — иноверцы). Антоний Кучинский и Збигнев Вуйчик доказали, что эти люди еще во второй половине XVII века до-

бирались до Северного Ледовитого океана. Борис Полевой рассказывает в книге о «трех поколениях Козыревских в Сибири», особое внимание уделяя Ивану Козыревскому, который стал в начале XVIII века начальником Камчатки, плавал по Северному Ледовитому океану, открыл Курильские острова. Сергей Леончик напомнил об Андрее Дубенском, основавшем в 1628 г. Красный Яр, ставший позднее Красноярском. Года три тому назад в «Вечернем Красноярске» (1996, 27 ноября) о Дубенском была напечатана статья под весьма красноречивым заголовком: «Знаете ли вы, что основателем Красноярска был поляк?» (На самом деле память о польском происхождении Дубенского была утрачена его потомками за несколько поколений до этого).

Во всяком случае обе стороны — и польская, и российская — подчеркивают тот огромный вклад, который внесли польские ссыльные в дело изучения и освоения Сибири. Даже странно, что эта деятельность столь слабо запечатлелась в сознании рядового поляка, который Сибирь воспринимает исключительно как проклятую землю. А ведь это был в нашей истории тот единственный раз, когда мы выступали «трапперами», правда, как всегда, под чужим ярмом. Известно, что эти прежние ссыльные — из Царства Польского, из Литвы и Руси — как правило, становились горячими поклонниками Сибири, которая «выигрывала в (их) глазах (...), когда они осознавали, что покидают ненавистную им Россию» (Ярослав Михалек). Это первое впечатление подкреплялось еще и быстро обнаруживавшейся доброжелательностью местных жителей.

Станислав Вокульский, герой крупнейшего польского романа XIX века «Кукла», занимался в Сибири научными исследованиями и добился признания, пишет Болеслав Прус, «Дыбовских, Черских, Чекановских». Вокульский — вымышленный герой, но его сибирские коллеги и наставники существо-

вали на самом деле, завоеывая именно в это время мировую славу. Арестованный в 1864 г. за участие в восстании Бенедикт Дыбовский изучал фауну Байкала и первым описал новые виды рыб, ракообразных, моллюсков, губок... Год за годом он отправлялся по Амуру и Уссури к берегам Японского моря, исследовал Камчатку, открыл неизвестный ранее вид пятнистого оленя, который и сейчас называется «оленьем Дыбовского». Вместе с Дыбовским фауну Байкала изучал другой повстанец и ссыльный — Виктор Годлевский. А ссыльные Александр Чекановский и Ян Черский совершили ряд фундаментальных географических открытий. В результате их путешествий появились названия нескольких горных хребтов, в том числе мощной гряды «трехтысячников» — хребта Черского в Восточной Сибири. Врач Леон Гриневецкий, ставший на рубеже 80-90-х годов XIX века первым начальником Чукотки, изучал полярную фауну Новой Земли. Значительно большей славы добился Бронислав Пилсудский, старший брат Юзефа Пилсудского, маршала Польши. Сосланный в Сибирь, он исследовал самые далекие восточные окраины России, в частности Сахалин (а также японский остров Хоккайдо), и занимался изучением населявшей его народности айнов. В России, пишет Владислав Латышев, в айнских коллекциях разных музеев хранится более 5 тысяч экспонатов, собранных одним человеком — Брониславом Пилсудским. В 1991 г. в Южно-Сахалинске ему был поставлен памятник и открыт Институт научного наследия Бронислава Пилсудского.

В книге мы находим интересные статьи обо всех этих первооткрывателях-поляках. Кого же здесь не хватило? Прежде всего двух сосланных в Якутию поляков, активно работавших в российской науке на рубеже XIX и XX веков. Первый, Эдвард Пекарский, по возвращении из ссылки подготовил (в 1907-1930 гг.) 13-томный словарь якутского языка.

ка. Второй, Вацлав Серошевский, прежде чем стать известным польским писателем, издал по-русски фундаментальный труд «Двенадцать лет в стране якутов» (1896). За проделанную им в ссылке научную работу Серошевский получил золотую медаль Российского географического общества (когда несколько лет спустя он был снова арестован и ему вновь грозила ссылка в Сибирь, Географическое общество добилось для него замены наказания... научной поездкой в Японию и Китай).

Однако при всем при этом Сибирь оставалась местом невероятных страданий. Зофья Стжижевская обращает в своей статье внимание на то, что после восстания 1863 г. самой распространенной формой репрессий были «арестантские роты»: людей отправляли на год или даже на пять лет в штрафные армейские части; по окончании срока этой службы польских ремесленников и крестьян вывозили в Сибирь как «государственных крестьян». Вполовину меньше, чем в «роты», было сосланных под надзор полиции в глубь России (как правило, все-таки в Европейскую часть). К каторге (чаще всего сибирской) приговаривали относительно небольшое число руководителей восстания, немногим меньше — отправляли в Сибирь «на поселение». Таким образом в 1863-1868 гг. в Европейскую часть России был отправлен 101 этап, а непосредственно в Сибирь — 90 этапов (но последний лишь в 1880 г.). Но только в 1863-1867 гг. за участие в восстании из Польши в глубь России было сослано поляков по меньшей мере 12 721 человек. При этом, по данным российского министерства внутренних дел, до сентября 1864 г. в глубь России было отправлено 25 тысяч человек, включая живших в Литве, Белоруссии и на Украине... Как видим, число сосланных поляков, фигурировавшее до сих пор в российской историографии (например, в книге Нинель Митиной «Во глубине сибирских руд»), явно занижено. В свою очередь, в работах

польских ученых (например, у Стефана Кеневича) приводится число 38 тысяч, но, по видимому, проверить эту цифру не представляется возможным.

Все же, как только закончилась волна ссылок, началась добровольная миграция в Сибирь польских крестьян из Царства Польского. На рубеже XIX-XX вв. туда переселилось от 6 до 20 тыс. крестьян. Магнитом притягивала строящаяся транссибирская магистраль. Сибирь у поляков, оказывается, в то время была почти так же популярна, как Америка... Почему об этом умалчивали? Неужели из «патриотических» соображений?

В книге нас ждет еще много подобных сюрпризов. Например, мало было известно о деятельности римско-католической Церкви в Сибири. Об этом пишет Болеслав Шостакович из Иркутска по материалам государственного архива Иркутской области. Совершенно забытой оказалась (некогда очень хорошо известная) история V Сибирской дивизии — это формирование, воевавшее в 1920 году против большевиков, естественно, не заслуживало доброго слова от коммунистической историографии. В книге о нем пишет Ярослав Нея.

Пожалуй, самый обширный корпус текстов посвящен репрессиям коммунистического режима, связанным с Сибирью. Отличие от положения ссыльных в XIX веке было разительным. Какая уж там научная или литературная работа «зэков»; и речи не могло быть о том, чтобы кто-либо из них мог получить освобождение от наказания или золотую медаль Географического общества... Еще одним отличием была большая разбросанность узников: архипелаг ГУЛАГ раскинулся по всей территории СССР, а Сибирь до самого конца 20-х годов еще не играла в нем главной роли. Наконец, третье отличие состояло в масштабе репрессий.

В своем обобщающем очерке Петр Жаронь отмечает, что еще в феврале 1940 г. прошла первая массовая депортация: 250 тыс.

поляков были высланы на север — в бассейн Северной Двины, в Архангельскую область, Республику Коми, а также в Казахстан и Сибирь. В апреле 1940 г. свыше 300 тыс. поляков (в том числе свыше 200 тыс. женщин и детей) были высланы главным образом в Казахстан, но также и в Сибирь, в окрестности Иркутска и Якутска. В мае-июне 1940 г. было депортировано более 400 тыс. поляков — главным образом в лесные районы Среднего Поволжья, а кроме того, в республики, расположенные на самых дальних восточных или северных окраинах Европейской части России; хотя и на сей раз многие попали в Сибирь. Депортация в еще большем масштабе предполагалась в июне 1941 года. Ее плановое осуществление было прервано войной — но все же успели вывезти 280-300 тыс. поляков. Во всяком случае общее число депортированных составило 1,5-1,7 млн. человек, из которых на Сибирь все же пришлась меньшая доля — свыше 300 тысяч. Но насколько же и это число превышает количество сосланных в XIX веке!

Однако в это же время Сибирь становится также объектом гитлеровских планов. Об этом пишет в сенсационной, хотя, может быть, и несколько излишне публицистической статье Эдвард Петрашек. Людям, помнящим царские и сталинские репрессии, просто трудно поверить, что существовал и немецкий план выселения поляков в Сибирь... Очень много интересных фактов мы по-прежнему узнаём из истории католического духовенства, на сей раз уже не в России, а в СССР. Особого внимания заслуживает, в частности, статья одного из крупнейших специалистов по данной проблеме свящ. Романа Дзвонковского. Оказывается, после 1965 г. католических священников в основном перестали сажать, но священников из Литвы и Латвии — сажали еще и в 80-е годы за оппозиционную деятельность. В последних разделах тома мы находим также ряд интерес-

ных статей, посвященных репатриации поляков из Сибири после окончания войны.

Итак, в этой книге, изданной к 80-й годовщине смерти Бронислава Пилсудского и посвященной его памяти, всесторонне представлена панорама Сибири в коллективном опыте поляков. Как я уже сказал, в ней не хватает некоторых фигур, а может быть, и некоторых тем, ибо заглавие, в котором говорится и о «польской культуре», несомненно сформулировано на вырост. Особенно мало информации о литературе, в том числе о таких мемуарах, как трехтомный классический труд Руфина Пиотровского, относящийся к 60-м годам XIX века. Практически отсутствует созданная в Сибири художественная литература — произведения Адама Шиманского или Вацлава Серошевского. Отсутствует сибирская тема в польском искусстве (у Александра Сохачевского или Яцека Мальчевского). Наконец, не хватает более глубокого рассмотрения такого богатого жанра нашей словесности, как лагерная литература (есть только статья о воспоминаниях лагерников). Так что, вероятно, лучше было бы ограничиться словами «Сибирь в истории Польши». (Но даже и тогда стоило бы рассказать о св. Рафале — Юзефе Калиновском).

Как бы то ни было, книга «Сибирь в истории и культуре польского народа» стала событием. Объем информации, беспристрастность и объективизм — поразительные. Эта книга разворачивает перед нами картину всестороннюю и целостную, что редко случается при публикации материалов научных конференций. Нельзя не отметить и тот факт, что эту книгу могут читать и россияне — в конце каждой статьи помещено обширное резюме на русском языке.

Сибирь в истории и культуре польского народа. По материалам Центра восточных исследований Вроцлавского университета. Науч. ред. Антоний Кучинский. Варшава, 1998. (На польск. яз. Резюме на рус. яз.)

Лешек Шаруга

ОБЗОР ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В первом в 2000 году сдвоенном выпуске варшавского либерально-консервативного ежемесячника «Республика нова» (№1-2) опубликован обширный текст Владзимежа Марциняка под названием «Россия освобождается от своих комплексов, а в Москве объявляется нечистая сила». Это не первая и уж, конечно, не последняя попытка того, что обычно называется «понять Россию» и что, по мнению многих, невозможно. Людям извне Россия представляется непонятной, но что же делать, стараться все равно надо. Стараюсь и я, в сотый раз перечитывая блоковских «Скифов». Старается Марциняк, констатируя: «Главная проблема Путина — совсем не Чечня, а Россия. Речь идет о том, что по всей территории страны множатся десятки, если не сотни, мелких конфликтов правового, общественного, политического, этнического характера. (...) Несколько лет в России велась дискуссия о необходимости новой национальной идеи. Сегодня эта идея стала очевидной — это идея безопасности в собственной постели. Политик, который сумеет обеспечить элементарное ощущение безопасности, легко может стать “отцом народа”. (...) Александр Проханов, прозаик и главный редактор шовинистической газеты “Завтра”, начал публиковать на ее страницах “патриотические стихотворения”. (...) Но не только одержимые писатели впадают в раж. Способный журналист Михаил Леонтьев — ультралиберал, ультралиберал и ультралиберал, как он сам себя характеризует, — объявил начало Третьей Отечественной войны. ...так Россия освобождается от своих комплексов».

Далее в той же статье мы читаем: «Самое интересное заключается в том, что большинство из тех, кто сегодня мечтает о “сильной руке”, желают в первую очередь ограничения экономических, а не политических свобод. Государство, по их мнению, обязано прежде всего навести порядок в народном хозяйстве, расстройство которого пагубнее всего сказывается на жизни населения. (...) Современный “русский порядок” как сочетание экономической диктатуры с политическими свободами, выглядит нелепо, во всяком случае — с западной точки зрения. Введение подобного квази-авторитаризма выглядит маловероятным. Но проблема состоит в другом. Идея сильной власти в состоянии сегодня консолидировать общество. (...) В противоположность Западной Европе, в России так и не были четко разграничены сферы действия различных авторитетов и ценностей. Нередко проявлявшаяся в российской истории готовность общества отказаться от свободы вызывалась разладом от того, что на себя накладывали взаимоисключающие кодексы поведения. Отношения между различными кодексами не были введены в структурные рамки, а сами кодексы ожесточенно боролись друг с другом за господство, стремясь стать монопольными образцами поведения. Достаточно вспомнить реформы Петра. Вместо множества сословий с соответствующими кодексами поведения все общество было поделено на два “микросоциума”: бородатых и бритых. (...) Сегодня в России, может быть, впервые возник автократический плюрализм. Российскую Федерацию можно воспринимать как политическую общность разнородных, суверенных “субъектов”, таких, как республики, области, кланы и корпорации. Между ними пролегают то более, то менее отчетливые границы полномочий конкретных субъектов власти. Власть главного покровителя в большой мере опирается на разветвленную систему неформальных зависимостей, на компромиссы и противовесы. Ввиду этого идея сильного государства может означать попытку перехода к следующему этапу политической революции — установления “государства суверенных субъектов”. Однако эту картину можно считать чрезмерно оптимистической. Политическая жизнь здесь лишена своей автономной внутренней структуры. Влияние организованных политических сил на политический процесс минимально».

Статью Марциняка я отметил не случайно. Этот автор систематически обращается к российской тематике. В предыдущем номере того же журнала он опубликовал статью «Akerphalos [???], увенчанный свастикой. Российские истоки национал-большевизма». Он, в общем, руководствуется довольно цельным и в то же время гносеологически добросовестным представлением о России, доступном широкому польскому читателю (есть, конечно, специальные работы, но массовая периодика их не публикует): в большинстве газет и журналов анализ российской политики обычно поверхностен и посвящен преимущественно злобе

дня. Это, разумеется, не означает, что отношение к России в Польше исчерпывается одной злободневностью, — наоборот. Но менее злободневные вопросы относятся к культуре, а не к интересующим большинство историческим и политическим темам. Неудивительно поэтому, что все в том же номере «Республики новой» помещена работа Юрия Лотмана «Люди 1812 года» в переводе Богуслава Жилки. Тот же переводчик на страницах варшавского «Диалога» (№2/2000) напечатал другую работу Лотмана — «Искусство жизни» (под заглавием «Театр общественной жизни при Александре и Наполеоне»). Обе взяты из его книги «Беседы о русской культуре».

В том же номере «Диалога» опубликована статья Бартоша Журавецкого «Бегство от Вайды» — общий взгляд на творческий путь лауреата «Оскара» (за вклад в киноискусство) с особым вниманием к его последнему фильму — «Пану Тадеушу»:

«В течение последних десяти с лишним лет Вайде так и не удавалось снять фильм на уровне своих прежних достижений. Для одних “золотой век” мастера заканчивается “Дантоном”, для других — еще раньше, “Барышнями из Вилько”. Все так истосковались по хорошему кино, сделанному Вайдой, что съемкам “Пана Тадеуша” сопутствовали великие надежды, смущаемые минутным неверием в возрождение творческого гения режиссера. (...) Ну и что же? Удалось или не удалось? Ответ прост и поэтому очень сложен. Прежде чем отвечать, следует сначала отделить фильм от поднятой вокруг него рекламной шумихи. (...) Невзирая на несомненные достоинства “Пана Тадеуша”, на получаемое от него удовольствие, после просмотра все же остается некоторая неудовлетворенность. Возможно, хотелось бы, чтобы Вайда не ласкал, а опять, как когда-то, вдарил, хотелось бы запоминающихся образов вместо красивых ландшафтов. Любопытно, что художник, ранее представлявший в своих фильмах трагическое измерение судьбы человека и общества, вдруг приходит к выводу, что кино призвано рассказывать жизнеутверждающие истории. (...) Национальный комикс? Можно снимать и так, особенно чтобы донести классика до юных зрителей. Мне, однако, не кажется, что этим путем он вступит в сферу воздействия романтического мифа. Может, этого мифа уже и нет? Может, от него только и осталось, что занимательное повествование? (...) Скоро фильм Вайды покинет польские задворки и отправится в большой мир. Там, думаю, к нему отнесутся без сантиментов и примут только то, что придется зрителю по вкусу».

К сказанному почти нечего добавить. Разве то, что фильм Вайды уже потерпел неудачу в борьбе за «Оскар», не попав в номинацию.

В польской печати, напротив, новый фильм Вайды продолжает оставаться одним из немногих очагов споров об отношении к Польше и ее опыту, — споров, ведущихся в эпоху, когда именно эта проблематика, некогда господствовавшая, оказалась задвинута на обочину художественной жизни. Подключаясь к обсуждению фильма Вайды, Кшиштоф Беджицкий пишет на страницах краковского журнала «Знак» (2000, №2, статья «Польша стихами»): «Уже никто не сумеет вступить в поединок с Польшей и польским духом так, как Анджей Вайда. Лучшие фильмы этого режиссера говорили о делах национальных, и, парадоксально, именно они, а не те, что опирались на всемирную литературу, оказывались универсальными. (...) В польском захолустье Вайда находил и находит истину о человеке. При этом его действительно волнует история народа, живущего на берегах Вислы, и, будучи визионером, он становится в позу пророка, которому дано право судить соотечественников. Польша для Вайды — одновременно вызов и загадка: как понять ее трагическую и запутанную историю, а главное, как понять поляков, которые то великолепны в своих добродетелях, то ужасны, когда вылезает наружу сарматский* дух? (...) Кто бы подумал, что сил Вайде придаст Мицкевич? (...) Между тем именно “Пан Тадеуш” стал для Вайды мотивировкой и предлогом заставить весь народ прислушаться к собственной совести. Прямо так! (...) Поэма позволила ввести в фильм столь необходимую отстраненность. Сказочный мир, в котором все говорят стихами, до такой степени нереален, что серьезность идеи фильма как бы берется в скобки. Еще один сценарный прием подчеркивает условный характер происходящего: всю историю в фильме излагает сам Мицкевич, выставлена напоказ “неистинность” ситуации. Все это только игра в Соплицово. А что выйдет из этой игры, посмотрим... (...) Препарируя фабулу, Вайда обнажает банальность истории, разыгранной в Соплицове. Ему помогают в этом блестящие актеры, создающие образы маленьких людей в маленьком провинциальном мирке, вовлеченных в коллизии, скроенные по их мерке. Над ними витает непостижимый Дух Истории, требующий от них деяний, жертв и даже — о ужас! — мудрости. Грубо говоря, Соплицово у Вайды — это в сущности сумасшедший дом, где не найти никого нормального или хотя бы достойного уважения. (...) Польша, переложенная стихами, — это и идиллический миф, и карикатура на сидящий в поляках сарматский дух. “Пан Тадеуш” — очень смешной фильм и в то же время благодаря своему сарказму горький. В нем проявились

и любовь к традициям, погружение в польскую стихию, тоска по Польше чистой и непорочной, и сведение счетов с глупостью, легкомыслием, ожесточением и заурядным злом, засевшими в душах поляков. В таком отражении увидела себя Третья Речь Посполитая в свою десятую годовщину».

Трудно не согласиться с Беджицким, как трудно и не заметить, что Польша конца этого столетия увидела себя в одеянии начала XIX века. Хорош ли оказался маскарадный костюм? Трудно сказать. Но нет сомнения, что именно Вайда, а не кто-то из молодых авторов, начавших свою деятельность после 1989 г., задался вопросом о Польше и польском духе, попытался свести счеты с прошлым, а тем самым и с настоящим. Фильм Вайды подводит к интересному вопросу, на который пока нет ответа: хотят ли сегодня поляки вступить в поединок с Польшей? Имеются ли у них проблемы с самими собою? По тому, как фильм был воспринят зрителями, трудно ответить на эти вопросы. Не отвечает на них и литература. Просматривая очередные номера как академической столичной «Твурчосци», так и постмодернистского гливицкого журнала «Фа-арт», ни в отделах прозы и поэзии, ни в критических статьях не находишь и следа того, что можно назвать общественно-политическим измерением литературы: малые повествования о малых делах, частные мирки, писательство о писательстве. Интереснее всего в журналах разделы хроники, мелких заметок, обзоры периодики... Я всегда с интересом читаю обзоры российской литературной прессы, которые ведет в «Твурчосци» Земовит Федецкий, но в последнем номере и этого нет. Неужели и в российской печати ничего не происходит? Не верю.

В отчаянии вылавливаю из заметки Юзефа Лозинского «За окном» («Твурчосць», 2000, №2), фрагмент, посвященный фильму Леха Маевского «Воячек». Речь идет о поэте-метеоре Рафале Воячке, одном из самых одаренных представителей «поколения 68-го года» (поколения Баранчака, Криницкого, Загаевского), который покочил самоубийством на пороге 70-х. Комментируя фильм, Лозинский обвиняет его авторов в чрезмерной зависимости от легенды о Воячке как «проклятом поэте», тогда как его драма имела совсем другой смысл: «Он выходил на вроцлавские улицы, т.е. в деградировавший мир, замкнутый в рамки малой социалистической стабилизации, мир за окном, которое надо разбить. Все это сопливое поколение, родившееся после войны, росло за этим окном, горе мыкало, против так называемого строя всеобщей справедливости бунтовало, новый язык отчаянно искало, язык, который мог бы этот бунт художественно выразить. (...) И Воячек, как самый талантливый из них, заплатил высшую цену за свою внутреннюю свободу! И когда я сегодня читаю, что он был «Артюром Рембо ПНР», волосы на себе рву, зубами скрежещу, пересмотра дела требую, поскольку это еще одна мифологическая тропинка, на этот раз для употребления массовой культурой!»

Замечания Лозинского звучат убедительно, но не ради их убедительности я здесь их привожу. В образ Воячка в фильме воплотился молодой поэт Кшиштоф Сивчик, на вторую книгу стихов которого откликнулся Гжегож Ольшанский большой статьей «Злой демиург?» («Фа-арт», 1999, №4). Сивчик, родившийся в 1977 г., — несомненно, один из самых интересных поэтов младшего поколения. Его дебют получил признание критики, вторая книга, «Эмиль и мы», была встречена намного прохладнее. Ольшанский, однако, обнаруживает в этом сборнике заслуживающую внимания философию языка. Подчеркивая элегический характер лирики молодого поэта, Ольшанский замечает: «В этом контексте элегическим субъектом книги становится также — а может быть, прежде всего — язык. Язык, рассматриваемый узко, как специфический выговор поэта, но в то же время и широко — как отношение поэта к слову вообще. Тогда „Эмиль и мы“ будет прежде всего элегией на смерть слова. Слова, пытающегося описать и свою, и чью-то смерть». Ну что ж, мы присутствуем при первых шагах поэта. Поэта, играющего роль поэта — метафорически и буквально. Возможно, и этот поэт когда-нибудь поймет, что это не только игра. Пока что он один из многих, кто берет действительность в скобки: берет в скобки Польшу, берет в скобки Россию, берет в скобки весь мир... Они ищут язык.

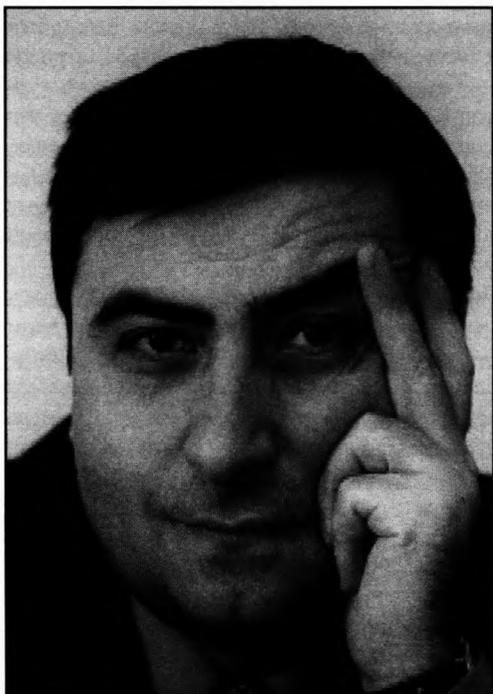
---

* «Сарматским» называли образ жизни и стиль поведения польской шляхты XVII-XVIII вв., включавший национально-словесную манию величия, самовлюбленность, презрение и неприязнь к иностранцам и иноверцам, нетерпимость, поверхностную набожность в сочетании с религиозным фанатизмом и суевериями, восточную роскошь на фоне нищих городов и деревень. Термин порожден псевдоисторической теорией происхождения польской нации от древних сарматов. Начиная с эпохи Просвещения употребляется в негативном, оскорбительном смысле, означая культ национальных пороков, обскурантизм, сословный эгоизм, гордыню и грубость. (Прим. ред. — составлено на основе «Словаря мифов и традиций культуры» Владислава Копалинского)

Веслав Кот

НАСТУПЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Веслав Кот (1959) – журналист, кинокритик, заведующий отделом культуры престижного журнала «Впрост». Преподаватель на факультете польской и классической филологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани. Автор нескольких книг, в том числе о поэме „Пан Тадеуш” Адама Мицкевича.

Пендерецкий, Вайда, Милош – всё больше польских мастеров искусства входит в круг мировой культуры

Награждение Анджея Вайды почётным «Оскаром», присвоение Кшиштофу Пендерецкому звания «Лучшего живущего композитора года», триумф спектаклей Кристиана Лупы в Париже – все эти события

наводят на мысль, что перед польской культурой открывается, быть может, благоприятная международная перспектива. Об этом может свидетельствовать и ряд иных фактов, к которым мы привыкли : по улицам Кракова прогуливаются целых двое наших лауреатов Нобелевской премии по литературе, композитор Збигнев Прейснер, также связанный с этим городом, а также несколько его коллег, всё чаще работает для Голливуда. В Польшу приехал со своим последним фильмом : «Девятые врата» Роман Полянский, которого относят к числу самых выдающихся современных режиссеров.

Наиболее заметный подъём испытала в прошлом году польская кинематография. Хотя, по всей вероятности, фильмы этого жанра в Польше приводит к тому, что заграничные гости начинают считать нас «Огнём и мечом» (по роману Г.Сенкевича) и «Пан Тадеуш» (по поэме А.Мицкевича), станут событиями лишь в пределах Польши, но они способствовали тому, что наше кинопроизводство стало опираться не на дотации, а на инвестиции. Банки и другие финансовые учреждения, вкладывающие деньги в экранизации таких произведений польской классики, как «Камо грядеши», «В пустыне и в пуще» (по Г.Сенкевичу) и «Канун весны» (по С.Жеромскому), стали считать кино выгодным бизнесом. С другой стороны,

малобюджетное кино (к примеру, «Долг» Кшиштофа Краузе) после десятилетнего анабиоза успешно пытается привлечь в кинотеатры зрителей, заинтересованных проблемами современного польского общества.

Вопреки ожиданиям, эпатирование читателей «местным колоритом» не добавляет нашей литературе популярности за границей. Дело в том, что признанными в мире писателями являются те, чье творчество универсально, хотя и не лишено национального своеобразия. Примером может служить поэзия Збигнева Херберта и Тадеуша Ружевича. По мнению критика Дариуша Новацкого, эти авторы стояли у истоков так называемой «польской школы» в поэзии: они не вдаются в запутанную национальную проблематику и не раздирают ран, нанесенных нам историей, отчего их понимают и отличают прежде всего в Европе. Нобелевского лауреата Чеслава Милоша ценят также в Америке. Более того, когда он приезжает в США и встречается с читателями, последние принимают его как одного из ведущих интеллектуальных деятелей американского культурного круга. Впрочем, Милош печатается на двух языках: польском и английском. «Хотим мы этого или нет, но нам придется примириться с тем фактом, что конъюнктуру на рынке литературы определяет Америка», — утверждает Новацкий. Вислава Шимборская, прежде чем получила Нобелевскую премию, присутствовала в мировом литературном процессе исключительно благодаря переводам своих стихов. Консервативная Шведская Академия обычно не присуждает своей награды, пока репутация кандидата не упрочится. И автора, который погряз в своем национальном захолустье, никто просто не заметит.

К сожалению, успехами не может похвастаться польская проза. Хотя Анджей Щипёрский или Мария Нуровская и вышли за пределы польского читательского рынка, но остановились на рубежах распространения немецкого языка. «Присутствия в немецко- или даже французскоязычном культурном кругу по-прежнему недостаточно», — говорит Новацкий. Нам не хватает писателя подобного масштаба, как чешские прозаики Милан Кундера или Богумил Грабал. Ситуацию не спасает даже рост популярности авторов-женщин. Кинге Дунин,

Ханна Краль в германском списке бестселлеров

После недавнего награждения Рышарда Капусцинского престижной Ганзейской премией им. Гёте, полоса удач польских авторов в Германии продолжается. Снова книга Ханны Краль, на сей раз «Там уже нет никакой реки», оказалась в германских списках бестселлеров, а в популярной телепередаче «Литературный квартет» была расхвалена донельзя. Вот некоторые выдержки:

«Краль делает нечто необычное. Она пишет необыкновенно сжато, краткими фразами. У нее нет ни одного лишнего слова. У нее нет оценок, только показано, как люди, как немцы убивают, как людей мучают, как на них доносят. Никакой психологии, никаких рассуждений, никаких догадок насчет людей, которые стреляли и доносили по принуждению или по собственному желанию. То, что здесь показано на примере событий в Польше периода 2-й Мировой войны, потрясает. Но в то же время это, боюсь, весьма злободневно. Когда я читаю сообщения из Косова, то думаю, что рассказы Ханны Краль носят характер притчи, которая касается нас всех, подчеркиваю, всех» (Марцель Райх-Раницкий).

«По сравнению со многими другими книгами о тех временах произведение Ханны Краль вносит нечто существенно новое: оно учитывает временную дистанцию. Это, можно сказать, археология тех времен. Это книга на тему: что сотворяет Бог с этим миром и как люди относятся к Богу, который допускает подобное. Это книга о хасидской религии, о раввинах, о вере в чудеса, о чудесах, которые происходят на самом деле, хотя чудесами не являются. Это книга, которая описывает мир, лишенный смысла, и в то же время стремится отыскать смысл, притом сжато, без лишних толкований. И вдобавок это прекрасно удается» (Хельмут Карасек).

«Ключ содержится в самой книге, в одном из последних рассказов — об алыче и жемчужинах. Польская семья живет в доме с привидениями. Эти люди зовут раввина. Он произносит такую фразу, от которой день-другой я не могла избавиться. Он сказал: „Меня вовсе не удивляет, что вас преследуют еврейские истории, меня удивляют те, кого они не преследуют“. Этим, собственно, сказано все» (Ева Демски).

«Ханна Краль у нас очень известна. Во всех ее книгах явлен великий, жизненно важный замысел: восстановить истребленный мир восточных евреев Польши — хотя бы в языке, во фрагментах, со всеми пустотами, с обломками. Язык — точное отображение того, что она находит в этих обломках. Она ничего не выдумывает, это документальная проза» (Зигрид Лоффер).

«Ханна Краль применяет чрезвычайно скупые диалоги: сказал... сказала... спросил... Диалоги крайне скупые, как некогда — это, разумеется, несравнимо, но я только в данном контексте упоминаю эту фамилию — у Хемингуэя» (Райх-Раиницкий).

Адам Кшеминский

Ольге Токарчук или Изабеле Филипьяк не удастся заинтересовать зарубежных читателей описанием польской разновидности феминизма. Пожалуй, только творчество Рышарда Капусцинского и Ханны Краль высоко ценится также за пределами Польши. Об их популярности свидетельствуют мгновенно появляющиеся переводы их произведений по крайней мере не несколько языков.

«На Западе переводят отдельные произведения, а не авторов, — замечает Марек Залеский, литературный критик. — Мы ведь переводим венгерских, австрийских, украинских или португальских писателей по тому же принципу». Януш Фоглер, председатель Польской ассоциации книгоиздателей, в подобном состоянии нашей беллетристики обвиняет учреждения, недостаточно способствующие продвижению польской литературы на зарубежные рынки. Он считает, что нужно добиться своего рода «эффекта домино» — если будет больше переводов и рекламы, то польских авторов будут читать не только на родине.

В каждом поколении по крайней мере один представитель польского театра приносил ему международную славу. По правде говоря, многих достойных слава всё же обходила — например, гениальный драматург Станислав Выспанский за границей не был особенно известен, потому что писал по-польски и о Польше. Но вот уже актриса Хелена Моджеевская, выучив английский язык, завоевала сердца американских зрителей. Великолепные спектакли ставил в Германии на протяжении почти полувека Конрад Свинарский. Мировую славу приобрёл режиссёр Ежи Гротовский, и европейскую — Тадеуш Кантор. По их следам идёт сегодня Кристиан Лупа. Год назад он привёл в восхищение Париж постановкой «Лунатиков» по роману довоенного австрийского писателя Германа Броха. Это свидетельство духовного упадка стало в интерпретации режиссёра отражением современного «Одеона», был признан французскими критиками лучшим зарубежным спектаклем 1999 года. В январе этого года Лупа показал в Париже «Братьев Карамазовых» Достоевского, возобновив по заказу «Одеона» свою постановку девятилетней давности. Спектакль заворожил парижскую публику, а режиссёр заслужил — и вполне

справедливо – сравнение с великим кинорежиссёром Робером Брессоном.

Лучшие традиции знаменитого Театра Восьмого Дня продолжал в последнее десятилетие театр «Бюро путешествий», снискавший себе известность за пределами Европы и завоёвывающий всё более и более серьёзные премии и награды. В 1996 году спектакль «Сармен funebre» («Траурная песнь») получил на фестивале в Эдинбурге чрезвычайно престижную премию Хамада, что способствовало мировому признанию этого коллектива.

В области серьёзной музыки поляки могут гордиться несколькими несомненными заслугами. В мире классики уже много наша страна ассоциируется с тремя важными мероприятиями: международный конкурс пианистов им.Ф.Шопена (хотя последние два из них были менее удачными), международный конкурс скрипачей им.Г.Венявского в Познани и фестиваль «Варшавская осень». Быть может, сегодня значение этого последнего фестиваля несколько уменьшилось по сравнению с эпохой «железного занавеса», когда музыка способствовала преодолению этого барьера. Благодаря этому фестивалю завоевала себе мировое признание так называемая «польская школа» композиторов.

Наиболее яркие успехи в течение многих лет выпадали на долю Витольда Лютославского и Кшиштофа Пендерецкого. Но если Пендерецкий с самого начала своей карьеры был баловнем фортуны, то судьба его ровесника Хенрика Миколая Гурецкого совершенно необычна: всего лишь несколько лет назад и благодаря произведению, написанному еще больше чем за десять лет до этого, он превратился из признанного композитора в одного из самых знаменитых авторов конца XX столетия. Слушатели и критики за рубежом начинают навёрстывать ещё большее опоздание, знакомясь с творчеством великого Кароля Шимановского. Любопытно, что этому подлинному возрождению композитора способствуют как раз иностранцы – например, дирижёры Саймон Рэттл или Шарль Дютюа. Слава Польши растёт и благодаря исполнителям-полякам, многие из которых постоянно проживают за границей. Во всём мире известен пианист Кристиан Зимерман. В мире оперы знамениты многие наши певцы, в частности, обладательница выдающегося меццо-сопрано Эва Подлесь. Приобрел определенную известность на международной арене и Пётр Андершевский.

Признание польского джаза на европейском рынке несомненно – уже в течение нескольких десятилетий существует термин *«slavic kind of jazz»*, что означает просто польскую школу джаза. Однако к нашему восхищению по этому поводу примешивается определённый привкус провинциальности. С одной стороны, творчество наших джазовых музыкантов легко узнаваемо: они используют в своих произведениях польский фольклор, вдохновляются европейской романтической музыкой или славянской мелодикой. Но при всём этом в нашем джазе слышится отчётливое влияние американской музыки. Большое количество джазовых авторов и любителей этого жанра в Польше приводит к тому, что заграничные гости начинают считать нас «нацией джазменов», хотя по-настоящему крупных исполнителей у нас не больше нескольких десятков. Результаты опросов свидетельствуют, что этот рынок меняется незначительно. Стабильные позиции в польских и зарубежных рейтингах занимают ветераны нашей сцены : Ян Пташин Врублевский, Збигнев Намысловский, Томаш Станько, Михал Урбаняк, Войцех Кароляк. К счастью, к ним начинают присоединяться и более молодые : Лешек Можджер, Тымон Тыманьский и Пётр Войтасик.

Однако, выдающиеся польские и зарубежные джазмены не имеют никаких шансов на коммерческий успех. Хотя альбомы наших исполнителей раскупаются тиражами, вполне сравнимыми с цифрами продаж пластинок немецких, французских или итальянских музыкантов, но путь к мировой популярности всё равно ведёт через Соединённые Штаты. Для рок-музыканта продажа 10 тысяч пластинок означает позорный провал, а для джазмена, например, из Германии – успех. Примерно в таком количестве экземпляров распродаются альбомы нашего ведущего джазового музыканта Томаша Станько. Его сотрудничество с модной и престижной студией «ECM Records» (например, при создании «Литании» или «С зелёного холма») открывает доступ к большой (хотя, к сожалению, только европейской) карьере. Он записывает концерты вместе с самыми выдающимися музыкантами – от Сесила Тейлора и Джека ДеДжонета до Дино Салуцци и Джона Сэрмена.

Ближе всего к вершинам славы и успеха были те, кто уже в 70-е годы решил эмигрировать в США. Творчество Адама Маковича, Уршули Дудзяк и Михала Урбаняка до сих пор принадлежит к числу крупнейших достижений польского джаза в Америке. Адам Макович завоевал симпатии слушателей и критиков, поставив «*slavic kind of jazz*» на службу пианистической эквилибристике при исполнении классических произведений Джорджа Гершвина или Кола Портера. Скрипач и саксофонист Михал Урбаняк, воспользовавшись модой на фольклор, нашел себя в структурах эклектического «фьюжн-джаза» (например, в бравурном хите «Нью-йоркский гураль»). В подобном направлении развивалось и творчество Уршули Дудзяк (хотя она и не сумела в полной мере использовать огромный успех её хита «Папайя»). Успеху Урбаняка, Маковича, Дудзяк способствовала мода на Польшу, охватившая Штаты в 80-е годы. Этот период стал «звёздным часом» нашего джаза: альбомы, выходящие в престижных студиях, концерты в лучших залах Америки, совместные выступления с крупнейшими музыкантами. Урбаняк записывал пластинку вместе с Майлсом Дэвисом и выступал почти со всеми знаменитостями: от Джорджа Бенсона и Джо Завинулы до Уэйна Шортера. Его имя неоднократно появлялось в критических рейтингах престижного профессионального журнала «Down Beat».

Однако подлинный триумф польского джаза связан с именем Кшиштофа Комеды-Тшчиньского. В 1968 году он уехал в США, чтобы писать там музыку к новому фильму Романа Полянского «Ребёнок Розмари». Это кинопроизведение принесло славу обоим авторам. Самым крупным успехом польского джаза до сегодняшнего дня считается одноименная баллада, выдвинутая на соискание премии «Оскар».

После Кшиштофа Комеды на мировом музыкальном рынке появился Войцех Киляр. В последнее время он написал музыку к фильму Анджея Вайды «Пан Тадеуш» и сотрудничал с Романом Полянским при создании фильма «Девятые врата». Благодаря нескольким удачным работам он известен в Голливуде. В частности, его музыка сопровождает такие нашумевшие фильмы, как «Дракула» и «Шоу Трумена». Збигнев Прейснер завоевал себе европейское признание как автор музыки к фильмам Кшиштофа Кесьлёвского, а свою позицию на рынке закрепил превосходно принятым на Западе произведением «Реквием для моего друга». Со всё более крупными международными успехами встречается и творчество Михала Лоренца.

wprost

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

● В Варшаве скончался Министр культуры и национального наследия Республики Польша Анджей Закшевский. По образованию юрист, он стал доктором исторических наук, защитив диссертацию о Винценте Витосе, видном деятеле крестьянского движения, сыгравшего в 1918 году важную роль в возрождении независимого польского государства. На рубеже 70-х и 80-х годов Анджей Закшевский участвовал в деятельности дискуссионного клуба «Опыт и Будущее», в прогнозах которого были намечены возможности будущего развития Польши. В политических структурах новой Польши он был связан с Лехом Валенсой, будучи его верным и незаменимым советником. В 1999 году Анджей Закшевский стал Министром культуры и национального наследия.

● В государственных отношениях между Польшей и Россией наступило временное охлаждение, но это, к счастью, никак не сказывается на событиях культурной жизни. Во всяком случае в Польше по-прежнему переводится современная русская литература (упомянем хотя бы роман «Генерал и его армия» Георгия Владимова или эпический цикл Василия Аксенова). Помимо этого, вышел из печати последний, третий том «Истории идей в России» Анджея де Лазари и еще один образчик столь модных теперь «рейтингов», «Словарь-справочник 450 выдающихся деятелей России с 1917 по 2000 гг.», составленный Гжегожем Пшебиндой и Юзефом Смагой. Это тем более примечательное явление, что на польском книгоиздательском рынке ситуация не самая лучшая, а Россия (в отличие от, например, Швейцарии) отнюдь не стремится продвигать здесь своих авторов. Среднее число проданных экземпляров новых изданий произведений современной польской литературы колеблется от 500 до 5000. Более высокие тиражи приходится в основном на книги, выдвинутые в качестве кандидатов на важнейшую польскую литературную премию «Нике». Блистательным исключением являются две писательницы, Малгожата Мусерович и Иоанна Хмелевская, книги которых неизменно фигурируют в списках бестселлеров.

● В Польше проводятся различные мероприятия и кампании, направленные на то, чтобы оторвать от телевизоров и компьютеров потенциальных читателей и вернуть интерес к книге. Недавно такие кампании по стимулированию книготорговли организовали две сети супермаркетов. В магазинах сети «Хит» книги продавались «на вес», а в супермаркетах «Ошан» - по «копеечным» ценам (менее 1 злотого). Несмотря на различные возражения и возмущенные голоса, следует признать, что большинство направленных таким образом в продажу произведений польской и мировой литературы нашло себе покупателей.

● Бестселлером мемуарной литературы стали три тома «Политических дневников» Мечислава Раковского, бывшего премьер-министра, бывшего 1-го секретаря ПОРП и, прежде всего, бывшего главного редактора еженедельника «Политика». Последний вышедший том посвящен 1968 году в Польше и оставившей по себе недобрую память «антисионистской» кампании.

● В Еврейском Историческом Институте в Варшаве состоялась презентация первого полного издания «Дневника Анны Франк». В первых ее публикациях, и не только в Польше, не было возможности представить весь текст целиком. Причин этому было множество, но в первую очередь – жестокий реализм некоторых описаний, отпугивавший тогдашних книгоиздателей. Записки еврейской девочки были столь безжалостным обличением фашизма, что некоторые считали «Дневник» фальшивкой, а саму Анну Франк – вымышленным персонажем. На варшавской встрече присутствовал единственный доживший до наших дней родственник девочки, ее двоюродный брат Буди Элиас.

● Книга Петра Митцнера «Ханя и Ярослав Ивашкевичи. Эссе о супружестве» имеет все шансы, чтобы стать бестселлером. Ярослав Ивашкевич, выдающийся польский прозаик (трехтомная эпопея «Честь и хвала») и множество блестящих новелл, которым он в основном и обязан своей славой) и поэт, многолетний председатель Союза Польских Писателей, был (да и до сих пор, пожалуй, остается) личностью широко известной. Его жена Анна Ивашкевич, урожденная Лильпоп, вела нелегкую жизнь в тени мужа, но при этом сама обладала многочисленными талантами, а ее изданные несколько лет назад «Дневники» были встречены с большим интересом.

● В возрасте 96 лет в Варшаве скончалась писательница («Птичий тракт»), драматург и лексикограф Халина Аудерская.

- В Варшаве скончалась Мария Жмигродзкая, видный историк литературы, великолепный знаток эпохи позитивизма и романтизма.
- Премию Польской Культуры «Золотой жезл» получил композитор Войцех Киляр. Автор музыки к кинофильмам, в частности, к «Пану Тадеушу» и «Земле обетованной» Анджея Вайды, а также самостоятельных крупных музыкальных форм (сюита «Кшесаны», Концерт для фортепьяно с оркестром), он является одним из крупнейших современных польских композиторов. «Золотой жезл» - это денежная премия, основанная инвестиционно-коммерческим банком «Банк Гданьски». Больше всего радует растущее число инициатив финансовых учреждений в области культуры.
- Крупным событием в польской кинематографии стала премьера многосерийного телевизионного фильма Яцека Блавуца и Войцеха Мацеевского «Воздушные кавалеристы». Это документальный фильм, реалистически рассказывающий о боевой подготовке в элитном воинском подразделении.
- Анджей Вайда продолжает купаться в лучах славы после присуждения ему премии «Оскар» за вклад в развитие мирового киноискусства. Музей Кинематографии. В Лодзи организует в связи с этим выставку плакатов к его фильмам. А сам классик, участвовавший в Международном кинофестивале в Берлине, вручил там учрежденную им самим Премию Свободы российскому кинорежиссеру Кире Муратовой («Короткие встречи», «Астенический синдром»).
- Прошлогодний успех фильмов «Пан Тадеуш» и «Огнем и мечом» по-прежнему не дает покоя польским кинематографистам. В их творческих планах - новые экранизации произведений польской классики. Продюсер Вальдемар Дзики и режиссер Марек Дуткевич приступили к съемкам фильма по роману Генрика Сенкевича «В пустыне и в пуще». Пока что ведутся широко разрекламированные поиски исполнителей главных ролей: семилетней Нель и тринадцатилетнего Стася. Во многих городах Польши на пробы прибыли сотни желающих – детей и их родителей. Ежи Кавалерович («Поезд», «Фараон», «Смерть президента») также решил найти исполнительницу главной роли Лигии в экранизации романа Сенкевича «Камо грядеши» с помощью конкурса, проводимого среди мало известных широкой публике кандидатов. Съемки фильма должны начаться этой весной, причем многие сцены будут сниматься в Тунисе. Сенкевич еще раз оказался лучшим польским сценаристом.
- Завершена работа над сценарием сериала по мотивам уже неоднократно перенесенного на экран довоенного бестселлера, романа «Прокаженная» Хелены Мнишек. Однако на этот раз сценаристы Кшиштоф Ярошинский и Ян Тадеуш Станиславский написали продолжение мелодраматической истории о несчастной любви и неравном браке, в которой участвуют девушка из бедной семьи и молодой богатый аристократ. Авторы планируют довести общее число серий до 100.
- Режиссер Збигнев Пасиковский («Псы») решил вновь обратиться к неуязвимому образу капитана Клосса («Ставка больше, чем жизнь»). Однако еще неизвестно, воплотится ли этот проект на экране, поскольку режиссер просто-напросто упустил из виду, что у первого сериала были свои собственные сценаристы, которые и создали персонаж доблестного польского агента в немецком мундире. За прошедшие годы капитан Клосс уже начал вести свою собственную жизнь, независимую от телевизионного прототипа, и новые авторы сочли его историческим персонажем. После чего с глубоким огорчением выяснили, что настоящего Клосса никогда не существовало...
- На польских экранах появился уже давно ожидаемый «Сибирский цирюльник» Никиты Михалкова.
- Во Вроцлаве закончился XXII Фестиваль современной польской музыки «Musica Polonica Nova». Выдающиеся польские исполнители представили слушателям произведения отечественных композиторов, начиная с Концерта для оркестра Витольда Лютославского и кончая специально подготовленного для фестиваля сочинения Лешека Вислоцкого «Интрада». В современной польской музыке «можно без труда обнаружить стремление к сохранению традиции в широком смысле слова, но гораздо реже – поиски нового синтеза музыкального языка, новых приемов повествования и построения музыкальной драматургии», - пишет рецензент Артур Белецкий.
- Титул лучшего джазового музыканта 1999 года был присужден трубачу Томашу Станько. Он участвовал практически во всех важнейших фестивалях в мире, а его записи можно приобрести в Европе, Японии и США. Выпущенный немецким издательством альбом с его участием «From the Green Hills» был признан лучшим альбомом года.
- Прошлогодние результаты продаж записей поп-музыки показывают, что самым популярным польским вокалистом является Яцек Стахурский. Его песни еще не передаются по радио и телевидению, и их можно услышать только на концертах в дискотеках. Он выпустил 5 дисков: «Я такой», «1996», «Стахурский –

Mega Dance», «1999» и «Мои лучшие песни». Ему 31 год, по образованию он юрист, постоянно живет в Чеховицах-Дзедзицах, хотя ездит и делает грамзаписи во всем мире.

● В варшавском Национальном Оперном театре в опере Россини «Танкред» выступила Эва Подлесь, одна из самых блестящих оперных певиц, специализирующаяся на исполнении опер Россини и лишь изредка появляющаяся на польских сценах.

● Событием варшавской театральной жизни стал спектакль по пьесе Мольера «Мизантроп», поставленный Жаком Лассалем во франкоязычном театре «Види-Лозанн». Хотя спектакль заслуживает внимания сам по себе, но главной его достопримечательностью стало исполнение заглавной роли Анджеем Северином, выдающегося польского актера («Земля обетованная»), снискавшего себе славу и титул лучшего актера года во Франции, а теперь представшего перед соотечественниками в роли Альцеста. Зрители, впрочем, никогда о нем не забывали – тем более, что он не переставал сниматься в польских фильмах. В последнее время он блестяще сыграл роли Иереми Вишневецкого в фильме «Огнем и мечом» и Судьи в «Пане Тадеуше».

● Театральные премии за 1999 год получили: премию им. Конрада Свинарского – мим и хореограф Генрик Томашевский за совокупность творческих достижений и спектакль «Трактат о марионетках» в варшавском «Национальном Театре», а премию им. Александра Зельверовича – актеры Доминика Осталовская и Ежи Треля.

● В варшавском Музыкальном театре «Рома» состоялась премьера мюзикла «Питер Пэн». Либретто по мотивам классической повести для детей Дж.М.Барри написал Иеремия Пшибора. Режиссер и хореограф – Януш Юзефович, композитор – Ян Стоклоса (которые, между прочим, являются создателями идущего сегодня в Москве мюзикла «Метро»). В спектакле заняты Эдита Гепперт и Виктор Зборовский, а также целое созвездие будущих талантов - детей, которым пришлось приучиться к театральной дисциплине.

● «Солнце и другие звезды» — так называется открывшаяся в столичной галерее «Захента» выставка десяти художников, графиков и скульпторов, которые по результатам опроса, проведенного еженедельником «Политика», были признаны самыми выдающимися мастерами польского искусства XX века. В списке значатся: Магдалена Абаканович, Станислав Игнацы Виткевич, Витольд Войткевич, Анджей Врублевский, Тадеуш Кантор, Катажина Кобро, Роман Опалка, Генрик Стажевский, Владислав Штешеминский, Алина Шапачников.

● Творчество современных польских живописцев представила Бельская Галерея Бюро художественных выставок в Бельске. Выставка называется «Между физикой и метафизикой», а представлены на ней работы Цецерского, Тарасевича, Модзелевского, Мацеюка и Флициньского.

● Необычная выставка под названием «Искусство за столом переговоров. Перед лицом действительности» открылась в гданьском Центре Современного Искусства «Баня». Определение довольно туманное, ибо неизвестно, кто являлся партнером художников в этих «переговорах». Однако в каталоге выставки эти художники определены более прямо как те, кто занимается искусством, созвучным политике. И независимо от того, согласен ли

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКОЙ РУССОФОБИИ

Высокие государственные награды Республики Польша были присвоены группе русских писателей-переводчиков польской литературы и учёных, заслуженных как для российской, так и польской культуры, а также для развития польско-российских литературных связей.

Офицерских крестов «Ордена заслуги РП» удостоились:

1. Натэлла Башинджигян
2. Владимир Британишский
3. Леонард Бухов
4. Геннадий Матвеев
5. Рената Мохова
6. Наталья Подольская
7. Наталья Романова-Астафьева
8. Константин Щербаков
9. Асар Эппель

Кавалерских крестов «Ордена заслуги РП» удостоились:

1. Наталья Ананьева
2. Андрей Базилевский
3. Ирина Знаменская-Щербакова
4. Сергей Ларин
5. Ксения Старосельская
6. Зинаида Шаталова

Почетных знаков «Заслуженный для польской культуры» удостоились:

1. Андрей Ермонский
2. Александр Ревич

Награды вручил 1 марта в Москве посол Республики Польша в Российской Федерации Анджеи Залуцкий.

Церемония награждения друзей польской культуры проходила в посольстве Польши как раз в тот момент, когда у здания шумно демонстрировали национал-большевики.

ОПЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВЕКА

С октября 2000 года по октябрь 2001 Варшавская камерная опера (ВКО) будет праздновать 400-летнюю годовщину существования жанра оперы. Всего состоится 130 спектаклей в Варшаве и 70 за границей, театр покажет 58 опер, среди них 7 премьер. Празднества начнутся с премьеры Евредики Джакомо Пери. После нее состоится фестиваль Клаудио Монтеверди и фестиваль опер эпохи барокко, во время которого — среди других спектаклей — зрители увидят премьеры опер: Танкред Андре Кампары, Tetide in Sciro Доменико Скарлатти и Ринальдо Георга Фридриха Генделя. Праздник барокко окончится в половине января 2001 года. 25 января премьерой Сороки — воровки начнется I Фестиваль Джоаккино Россини. Кроме Сороки — воровки увидим также оперы: Брачный вксель, Севильский цирюльник, Синьор Брускино, Золушка, Итальянка в Алжире, Турок в Италии.

В апреле 2001 года состоится Фестиваль древних польских опер, во время которого ансамбль ВКО покажет оперы: Осчастливленная нищета Мачея Каменьского, Краковяне и горцы Яна Стефани, Шарлатан Кароля Курпиньского, Галька Станислава Монюшко.

Июнь и июль — это время, традиционно посвященное презентации в ВКО всех опер Вольфганга Амадея Моцарта. Кроме известных всем опер: Свадьба Фигаро, Дон Жуан, волшебная флейта увидим, например, Мнимую садовницу, Милосердие Тита, Аполлона и Гиацинта и другие. В этом году Фестиваль опер Моцарта состоится уже в одиннадцатый раз.

Празднества 400-летней годовщины оперы как музыкального жанра завершат премьеры современных польских опер — Балтазара З.Краузе и Антигоны З.Рудинского.

Катажина К.Гардина

зритель с этими художниками или нет, то, что они показывают, непривычно и не может оставить безразличным — начиная с самых неприглядных аспектов человеческого бытия и вплоть до нетрадиционного показа проблем войны и мира, а также виртуально реализуемой в Интернете современной демократии.

● «Война и мир» - выставка, демонстрирующая сокровища турецкого искусства в польских собраниях с XV до XIX веков, открывшаяся в варшавском Национальном Музее, предназначена для показа в Музее турецкого и исламского искусства в Стамбуле. Выяснилось, что в Польше сохранилось множество экспонатов, прежде всего тканей, которых нет даже в самой Турции. Организаторы выставки стремились показать не только образцы турецкого искусства, находящиеся в Польше, но и взаимные контакты между двумя странами на протяжении столетий. Среди экспонатов нашлось место как для военных трофеев (знаменитые шатры, захваченные королем Яном III Собеским в битве под Веной), так и для предметов, попавших в Польшу в период долгих лет мира между Польшей и Турцией.

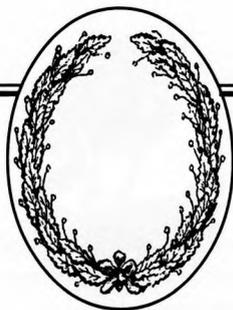
● В варшавской галерее «Захента» можно ознакомиться с творчеством каталонских мастеров живописи XX века. Нам выставке представлены работы Гауди, Пикассо, Миро, Дали, Тапеса и др.

● 40-летний юбилей на посту куратора Королевских Лазенок отпраздновал директор этого объекта Марек Квятковский. Королевские Лазенки — это дворцово-парковый комплекс, известный прежде всего как центр культуры в эпоху правления короля Станислава Августа Понятовского, который именно здесь, во дворце на острове, организовывал по четвергам свои знаменитые обеды для деятелей искусства. Марек Квятковскому 70 лет, он является искусствоведом и специалистом по истории Варшавы, одним из немногих, кто столько лет сумел продержаться на одном посту.

● Премию им.проф.Александра Гейштора, присуждаемую обладающим большими заслугами перед культурой Банковским Фондом им.Леопольда Кроненберга, получил Комитет опеки на Старыми Повонжками, старейшим варшавским кладбищем. Комитет много лет возглавлял недавно скончавшийся Ежи Вальдорфф.

● Частный польский телевизионный канал TVN закупил права на передачу в стиле знаменитой голландской программы «Big Brother» («Большой Брат»), основанной на «подглядывании в прямом эфире» за wybranными людьми, занимающимися своими ежедневными делами. Говорят, зрителям это нравится... Трудно отделаться от опасения, что телевидение все чаще не только создает собственную реальность, но и полностью заменяет подлинную жизнь. Нам не остается ничего другого, как не поддаваться этим тенденциям. А следующий раз поговорим об Интернете...

● Увенчанием Лейпцигской книжной ярмарки 26 марта было присуждение Ханне Краль премии «Европейское взаимопонимание» — одной из самых престижных литературных премий в Германии.

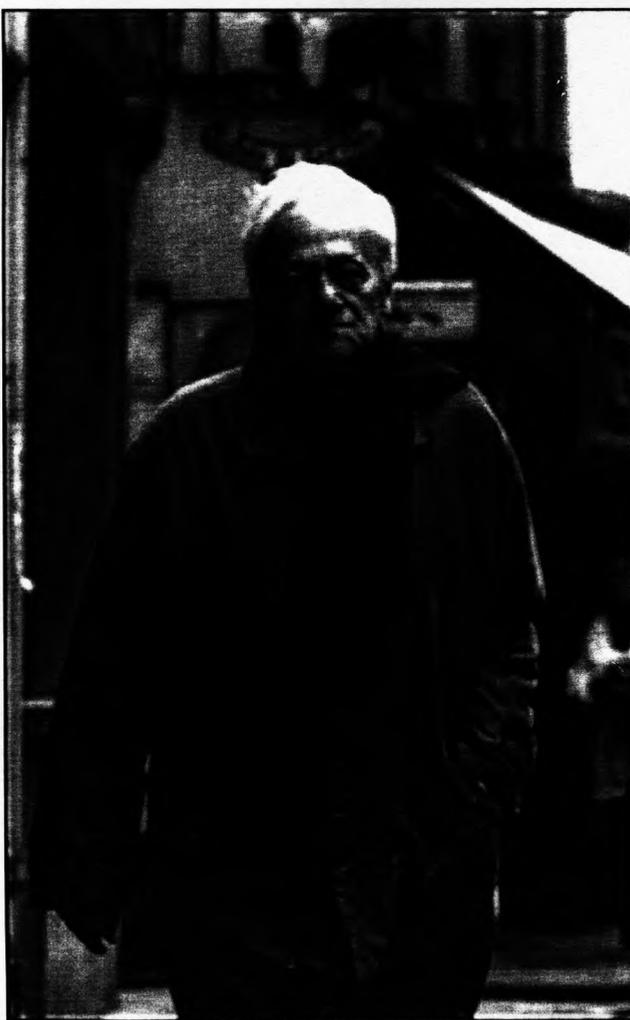
СКОНЧАЛСЯ КАЗИМЕЖ БРАНДЫС

11 марта с.г. в Париже на 84 году жизни скончался один из самых выдающихся польских писателей XX века Казимеж Брандыс. Он родился в 1916 году в Лодзи, в 30-е годы закончил гимназию и получил высшее юридическое образование в Варшаве. В 1946 году он выпустил две свои первые книги: повести «Деревянный конь» и «Непокоренный город», в которой представил жизнь польской столицы в годы гитлеровской оккупации. В послевоенный период он пережил глубокую идейную эволюцию от веры в коммунистический строй, до все более критической его оценки. В 1981 г. он был приглашен для чтения лекций в Соединенные Штаты, а с 1983 г. обосновался в Париже. Там были созданы его последние произведения: «Искусство беседы» (1988), «Персонажи и истории» (1991) и «Приключения Робинзона» (1999). Брандыс также написал несколько пьес и инсценировок собственных прозаических произведений. Он был лауреатом целого ряда литературных премий, а большинство его книг было переведено на многие иностранные языки.

Вот что говорит о своем ушедшем друге его ровесник, литературный критик Рышард Матушевский:

Его проза стала чем-то вроде барометра, который реагировал (иногда даже слишком чувствительно) на перемены в нашем сознании, на приливы и отливы веры, надежды, иллюзий, разочарований, гнева и горечи. Должно было пройти целое послевоенное десятилетие, чтобы мы осознали, что писательские успехи тех лет на самом деле были поражением, а чтобы от него оправиться, нужно было научиться стойко переносить всевозможные нападки и унижения. Казик глубоко переживал эти удары судьбы, но

когда, наконец, вновь обрел собственный голос, то все его новые произведения говорили о том, что его волновало лишь одно: как сохранить свидетельства эпохи, как высказать свою правду о трудных временах, выпавших на нашу долю. Об этом все его позднейшие книги: от «Матери Королей» и «Писем к пани З.» до блестящих «Почтовых вариаций», от «Нереальности» и «Рондо» до «Месяцев» и «Искусства беседы». Он был настоящим писателем: даже оказавшись перед лицом смерти, он сумел претворить этот опыт в триумф художника – я имею в виду его последнюю книгу, «Приключения Робинзона». Я надеюсь, что и сегодня, задумчиво глядя на наш несовершенный мир уже с той стороны, он размышляет о том, как его описать.

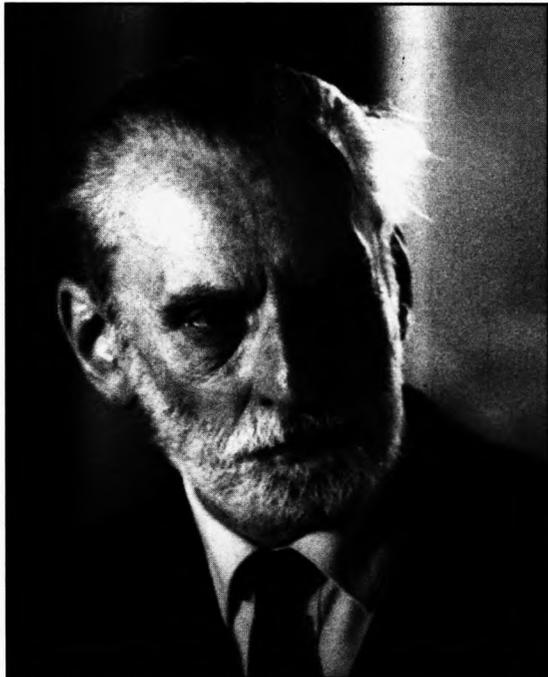

Яцек Возняковский

О ВОСПИТАНИИ

Беседа с Катажиной Яновской и Петром Мухарским

Яцек Возняковский (род. в 1920) во время II Мировой войны сражался в рядах Армии Крайовой. Окончил краковский Ягеллонский университет (польская филология и история искусств). С 1945 сотрудничал с «Тыгодником повшехным». С момента создания кооперативного издательства «Знак» (1959) — член правления и главный редактор издательства. В 1953-1990 — научный сотрудник Люблинского католического института. Основатель клубов католической интеллигенции в Кракове и Варшаве. Член Папского совета по делам культуры и Международной ассоциации историков искусств. В 1990-1991 был президентом (мэром) Кракова. Автор многочисленных очерков, эссе и статей, а также семи книг, в т.ч. «Что творится с искусством?», «Необходима ли культура для спасения?», «Незыблемые горы».

— Правда ли, профессор, что аристократия, т.е. элита былых времен, воспитывала детей очень строго, прямо аскетически?

— Я не могу говорить ни о каких множествах, вдобавок столь неясных, как «элита»: любые обобщения представляются мне ненадежными. Но то, что я знаю о дворянском воспитании, показывает, что оно действительно было строгим. Хорошо помню рассказы одной старой дамы из очень зажиточного дома: если в детстве она или ее братья и сестры мазали хлеб маслом, то его уже нельзя было мазать медом. А если с медом — то без масла. Всегда говорилось, что нельзя расточать дары Божии. И в моем детстве, помню, очень строго соблюдались определенные обычаи. Мы ужасно любили некоторые виды сладкого, но получали их раз в неделю, а то и реже. Это было праздничным событием. Шоколадный пудинг под желтым соусом я помню и до сих пор. Но иногда доходило до крайности. Недавно я читал записки одной дамы, где говорится, что в деревянном сундучке под кроватью ей разрешали держать два платья, выходное и будничное, к тому же их постоянно перештопывали и перелатывали. При этом дом был не только зажиточный, а очень богатый.

— Может быть, тут была скупость?

— Может быть. Никогда не следует исключать того, что в воспитательные методы вкрадется какой-то недостаток, грубая ошибка или прямая порча, вытекающие попросту из изъянов воспитателя или его среды.

— Приносила ли положительные результаты сознательная строгость в воспитании?

— Думаю, что в целом да. Обязательным принципом было: не всё следует детям позволять. То есть дети должны знать, что в жизни существуют известные ограничения, к которым надо привыкать с малых лет. Я и сам со своими детьми пережил такое время, когда мы жили в страшной нужде, — это было после закрытия «Тыгодника повсехного» [«ТП»] был закрыт в 1953-м за то, что не поместил на первой полосе, как вся пресса, некролога Сталину. — *Пер.*] Я видел, до чего они радуются, когда раз в неделю мне удавалось купить им в ларьке шоколадку. Не думаю, что так же сильно радуются дети, получающие шоколадки каждый день.

— *Значит, такое воспитание имело целью формировать определенный подход к жизни?*

— Это называлось вырабатывать характер. Идея работы над собой, включавшая определенный аскетизм, была прочно укоренена в воспитании. Прежде всего работа над собой состояла в том, что сначала другие тебе в этом помогают, а потом надо продолжать самому.

Работа над собой — сегодня такое анахроническое, такое старосветское понятие, что я почти не замечаю, чтобы оно играло какую-то роль в нынешней педагогике. Не знаю, чем его заменили, но боюсь, что в сегодняшнем воспитании на его месте осталась дыра.

— *Можете ли вы определить капитал, приобретенный вами благодаря закалке духа?*

— На самого себя труднее всего поглядеть критически. Мне всегда кажется, что я недостаточно использовал этот капитал.

Я очень люблю определение педагогики как искусства требовать от детей, чтобы они умели делать то, чего не умели родители.

Педагогические усилия никогда не достигают поставленных целей. Если воспитатель что-то сумеет вложить в развитие воспитанника — в этом много случайности и по сути дела милости Божией. Обычно же совершается столько ошибок, что когда смотришь на поступки воспитателей, то думаешь, что все дети должны быть так или иначе исковерканы дурным воспитанием.

— *Один из элементов воспитания — игрушки. Помните ли вы игрушки своего детства?*

— Во-первых, у нас было намного меньше игрушек, чем у детей сегодня. Во-вторых, частично они были очень старые. Мы унаследовали игрушки от матери, от отца, от всяческих дядюшек и относились к ним с глубоким почтением. Эти игрушки были не для того, чтобы их ломать.

Самая большая разница между моим и следующими поколениями касается детских пистолетов, винтовок, вообще оружия.

У нас были пистонные пистолетики, совершенно непохожие на настоящие. Но не могло быть и речи о том, чтобы делать вид, будто в кого-то стреляешь. На это был полный запрет, потому что мы довольно рано начинали иметь дело с настоящим оружием. Никогда ни в кого нельзя было целиться. Это было опасно, так как раз уж позднее мы должны были участвовать в охоте, то нужно было быть очень осторожными, чтобы не прицелиться куда не надо, не выстрелить когда не надо и вообще не причинить никакого ущерба.

В детстве мне однажды довелось «выстрелить» пистонами в старьевщика. Это было во Львове. Старьевщики заходили во дворы доходных домов и кричали: «Старье берем!» Однажды, стоя на балконе третьего этажа, я сделал вид, что стреляю в старьевщика, а он — что перепугался выстрела. Какой я тогда получил нагоняй! Мне пришлось спуститься вниз и попросить у старьевщика прощения. Пистолетик у меня, разумеется, отобрали — только за то, что я вообще прицелился и притворился, будто в кого-то стреляю. По сути дела это был хороший урок.

Сегодня мне очень неприятно смотреть, как мальчишки бегают по двору и «стреляют» из автоматов, чересчур похожих на настоящие, как они «дают автоматные очереди» по всему двору, по любому прохожему и друг по другу.

— Рассказывая до сих пор о воспитании, вы, собственно, еще не вышли за пределы дома и очерченного им круга. Имел ли дом, родовое гнездо, какое-то особое значение в те времена?

— Мне кажется, тем, у кого были свои дома, попросту повезло. У них было ощущение укоренности в чем-то таком, что они досконально знали. И знали не только дом и сад, мебель, картины, которые иногда становились первым уроком истории, а возвращение к ним — первым уроком бега времени, но и самых разных соседей, заново находили те же уголки и тех же людей, даже тех же животных. Например, дом моих деда с бабушкой в Закопане. Когда мы возвращались туда, мы точно знали, к кому на двор надо пойти, чтобы навестить нашего любимого коня. Потом я видел, как то же самое переживают наши дети и внуки. Они знают не только соседей, но и соседских собак, помнят, как какую зовут, радуются встрече с ними.

Очень многих людей заставили покинуть свои дома, переселиться, вращаться в совершенно новые условия и окружение. Они потеряли то чувство устойчивости, которое давал дом. И я тем более восхищаюсь закалкой духа людей, которые героически снесли утрату дома.

Я видел бывших дворян, выброшенных из домов, которые они любили, к которым были привязаны и которые внезапно потеряли. Видел их поколение в каких-то тесных городских жилищах, совершенно им чуждых, в городах, которых они прежде не знали, и не заметил, чтобы они сетовали, чтобы жаловались на потерю.

Это был как раз результат аскетического воспитания, согласно которому нельзя плакать, когда разбиваешь коленку или локоть, и жаловаться тоже нельзя.

— На ваш взгляд, теряет ли современность что-то от того, что домашнее воспитание по многим причинам становится достоянием истории?

— Думаю, теряет. Большой ценностью представляется мне известная непрерывность, знание обычаев, которые так вращаются в человека с малых лет, что не нужно трудиться, чтобы восстановить эти обычаи в любых новых обстоятельствах. Они попросту нечто нормальное, как мудро писал об этом Анджей Киёвский. Благодаря этому мы можем сосредоточиться на чем-то более существенном.

Когда моему отцу было 80 лет, я повез его в родовое гнездо, где он в молодости вел хозяйство. Я удивился, когда оказалось, что он помнит все названия и расположение всех полей, помнит, что вот это поле весной подмокало с этой стороны, а то надо было унавоживать не так, как другие, потому что оно на склоне и все с него стекает, и так далее.

Его знания о местных условиях были таковы, какие даются только опытом, этому не научит никакой агроном, никакая школа. Это все-таки ценность.

— А разве у этого домашне-семейного воспитания не было темных сторон? Разве оно не укрепляло, например, социального разделения? Не сужало ли оно в действительности горизонты молодого человека?

— Может быть. У всякого воспитания и вообще у всякого человеческого дела — две стороны, как у медали. По меньшей мере две. Одного воспитания, пусть даже самого мудрого, вероятно, не хватило бы, чтобы засыпать какие-то социальные рвы. Но оно могло в этом помочь.

Мы говорили об искусстве обращения с оружием. Помню, к нам приезжали из города поохотиться какие-то знакомые или родственники, которых мы считали т.н. воскресными охотниками. Мы чуточку подсмеивались над их чрезмерной правильностью в поведении, охотничьей одежде, оружии и даже лексике. Они точно знали, что заячья шерсть называется «осока», заячьи ноги — «скоки», уши — «слухи» и т.п. В этой правильности был знак, что они все-таки люди со стороны.

Хотя в целом городские знали больше нас, больше нас «повидали свет». Я говорю об отшлифованной интеллигенции, об элите. Они отлично знали языки. Мы в деревне тоже вроде бы учились языкам, но немножко стеснялись говорить на иностранном языке слишком хорошо. Может быть, мы боялись выглядеть претенциозно или манерно. В городе образованные люди говорили

так безумно правильно, так прекрасно выговаривали французское «р», что нас это слегка смешило. Так что было разделение, напряженность, может быть, и вытекавшие из домашнего воспитания.

Важно было, обращали ли родители внимание на то, чтобы мы не придуривались и не воображали себя какими-то особенными, потому что живем в деревне, а не в городе или наоборот. У меня в школе были товарищи из самой разной среды, и я в любой среде чувствовал себя очень хорошо.

— *Но, может быть, этот тип воспитания учил снобизму?*

— Такое всегда возможно. Воспитание могло укреплять снобизм, а могло содействовать тому, чтобы он, наоборот, исчезал.

Не знаю, помните ли вы рассказ Сент-Экзюпери о том, как он приземляется в каком-то запущенном уголке, кажется, Южной Америки и попадает в странный дом. Там живут девочки, которые разводят змей. Такой совершенно особый дом со своим собственным языком, своими способами общения с миром. И Сент-Экзюпери совершенно очарован экзотикой, абсолютной естественностью, даже как бы дикарством этих девочек, которые разводят змей под столом, а в то же время невероятно гостеприимны. С иностранным летчиком, который внезапно у них появился, они делятся своими тайнами, своими секретами, попросту своим домом.

Думаю, то же относится к любому домашнему деревенскому воспитанию. Либо дом замыкался в таинственные коды, известные только домочадцам, и тем самым исключал пришельцев, либо, наоборот, делился ими с другими. И тогда хорошо было быть в таком доме: он был особенный, своеобразный и в то же время доступный и доброжелательный ко внешнему миру.

— *А может быть, снобизм — не отрицательная черта? Разве плохо, если люди стремятся быть лучше самих себя?*

— Быть лучше самого себя — очень верное и ценное стремление. Но снобизм состоит совсем не в этом. Мне кажется, что — начиная с Теккерея, который его классически определил, а потом за ним повторил Жеромский, — «снобизм — это пустое восхищение довольно пустыми ценностями».

— *А если пустое восхищение, но перворазрядными ценностями?*

— Если это восхищение перворазрядными ценностями, то оно уже не может быть пустым.

— *Скажите, профессор, а существует ли еще что-то вроде «интернационала» аристократов, «семейной Европы», «Европы в семье»?*

— Это явление я наблюдал в Италии и Германии. Думаю, оно положительно, так как весьма облегчает контакты между людьми, воспитанными примерно в одних и тех же категориях. Известно, кто есть кто, кто кого родил, как когда-то говорили, и какой стиль у их среды.

Правда, это бывает и очень скучно: иногда видишь, как эти люди, встретившись, о том только и способны говорить, какие у них общие родственники. Но если эти контакты основаны на некоторой сумме общих сведений, на сбор которых не теряешь времени, потому что они известны и общеприняты, а на этом надстраиваются дальнейшие контакты и дальнейшие знакомства, то это очень удобно.

— *Есть ли что сказать этой социальной группе, имеет ли она сегодня какое-то значение?*

— Не уверен, что вся группа, но отдельные ее члены — заведомо да.

Думаю, что социальные группы вообще подверглись известному распылению, что границы между ними стерлись, а важнейшее значение приобрела личность.

— *Имеют ли сегодня какую-то ценность традиции группы, которую мы назвали аристократическим «интернационалом»?*

— Традиция — творение удивительное, легко обрастающее мифологией или легендой. Юзеф Чапский однажды сказал: «Известно же, что все наши прабабушки были девственницы».

Всякая легенда может быть положительной, может символически возвращать ценности или скорее мечту о тех или иных ценностях, но ее трудно извлечь из упаковки разнообразных вымыслов и подойти к ней критически, в то же время не теряя того, что в ней есть ценного. Всякое снятие налета легендарности важно с исторической точки зрения, но одновременно может стать процессом разрушительным, негативным, если чересчур подчеркивать отрицательные стороны.

— *Скажите, пожалуйста, имеет ли значение и последствия в настоящее время тот факт, что непрерывность традиций семейных династий была пресечена историей? О России, например, говорят, что уничтожение тамошних элит — необратимая катастрофа.*

— Там действительно разрыв непрерывности и массовый характер уничтожения русской интеллигенции и русского дворянства зашли так далеко, что изменилась сама структура страны, как социальная, так и материальная.

Польский оппонент Герцена писал в каком-то эмигрантском журнальчике, выходившем в Париже во 2-й пол. XIX века, что там, где нет никаких памятников прошлого, где одна только голая степь, ничем не сдерживаемый ветер может легко посеять семена деспотизма. Именно так и случилось.

— *Ваша биография вписана в историю польской интеллигенции. Мы говорили о русской интеллигенции, но у польской тоже были свои традиции. И вот — Варшавское восстание, Катынь. Нить традиций тоже как будто была прервана. Можете ли вы описать интеллигента, классического интеллигента в коммунистической Польше?*

— Говоря о польской интеллигенции того времени, нужно помнить о том, что она была дифференцирована, и о том, к сожалению, что обычно называют «предательством клерков», т.е. о легкости, с которой значительная часть этой интеллигенции приняла навязанные нормы коммунистической мысли и деятельности. Для многих это стало страшным разочарованием, так как люди возлагали надежды на польскую интеллигенцию. В XIX веке она прекрасно себя показала, слыла духовным вождем нации, приносила себя на алтарь отечества. Жеромский — последняя квинтэссенция этих традиций. И вдруг оказалось, что очень большое число интеллигентов пошло на поводу либо материальных выгод, либо страха и опасений попасть на свалку истории. По их мнению, лучше было, иногда даже вопреки своим убеждениям, плыть по течению истории, нежели позволить себя выбросить на свалку.

Кроме того, у интеллигента есть еще один недостаток: он невероятно любит спекулятивные рассуждения, т.е. способен всё себе объяснить. Ему легко найти доводы в пользу любого тезиса. И трудность, а в то же время долг интеллигентов состоит в возвращении к простому констатированию того, как оно обстоит на самом деле. Не поддаваться красноречию, потокам силлогизмов, из которых и вытекает иногда одна только ложь, хотя сами силлогизмы выглядят вполне связными.

Роль интеллигенции — постоянно подвергать сомнению свои убеждения, свои «истины»: а вдруг они всего лишь результат некоторого умственного или жизненного стремления к удобству? Это замечательно делал Стефан Киселевский. Он постоянно заново сомневался, постоянно возвращался к элементарным вопросам о том, какова действительность. Большая часть интеллигенции это умение утратила, и ее авторитет весьма понизился.

К счастью, значительная ее часть со временем не только отрезвела, но и принялась деятельно и мужественно свергать кумиры. Сегодняшние нападки на нее имеют ровно столько же смысла, сколько и осуждение всего нашего общества чохом. Интеллигенция — часть общества, просто она ярче конденсирует его недостатки, но и достоинства тоже.

— *Мы сетовали на интеллигента. А можем ли мы посетовать на полунинтеллигента? Есть же, пожалуй, такая порода?*

— Конечно, есть. И полу-, и четверть-интеллигент — все это существует. Настоящий интеллигент — это человек, который хоть и выдвигает определенные тезисы и концепции и способен

даже яростно их защищать, но одновременно всегда способен поставить над ними вопросительный знак. Задуматься, действительно ли он прав во всем, не удастся ли рассмотреть то же самое получше. Зато полуинтеллигент, а тем более четверть-интеллигент уверен, что его взгляды — единственно верные, что сказанное им — окончательно и нерушимо.

Он и не нуждается в том, чтобы еще поучиться, подтянуться, проконтролировать свою мысль. Это беда полуинтеллигента, особенно если он дорвется до возможности проводить свои взгляды в жизнь. Эта самоуверенность в некоторых обстоятельствах, в некоторые исторические моменты может стать воистину несчастьем и для него, и для окружающих.

— Мы рассмотрели дворянство, интеллигенцию, полуинтеллигентов, а есть еще такая фигура, которую называют хамом и которая, безусловно, встречается в любой из этих групп. Есть ли какие-то черты, которые его выделяют?

— Выделяют его многие черты: чудовищная толстокожесть, пренебрежение к другим и т.д.

Суть хорошего воспитания — не те или иные манеры, но внимание к другим людям, умение считаться с ними, уважение к их взглядам. Существо хамства, наоборот, — не считаться с другими людьми и вести себя так, словно ты начало и конец всего, альфа и омега.

Но я бы остерегся этого слова. Во-первых, оно грубое, а во-вторых, создает впечатление, что человек приписывает себе какое-то превосходство: другие, мол, часто бывают хамами, но не я. С этим надо быть поосторожней: каждый может обнаружить в себе проявления эгоизма, эгоцентризма или недостаточного внимания к внешнему миру, представляющие собой росток или своеобразную форму хамства. Так что лучше не раздавать этот эпитет слишком смело.

— Чтобы самому не оказаться хамом?

— Да, и чтобы не предаваться высокомерию, не приписывать себе право судить других.

Сказать о ком-нибудь: «Это хам», — форма приговора. Это может оказаться несколько рискованным, если учесть, что может человек обнаружить в глубинах собственной души.

— Усиливается ли теперь этот род эгоизма, как вы его деликатно назвали?

— В переломные моменты, т.е. тогда, когда сменяется цивилизация, как это происходит сейчас, — да, усиливается.

Ее формы еще не выработались, и в результате наши худшие черты сильнее раскрываются, выходят на поверхность, становятся более незащитными. Они не окружены традициями, не покрыты лаком, который только время может на них навести.

— Пожалуй, это нелегкие времена для интеллигента? Может создаться впечатление, что после 1989 года он стал принадлежать к «исчезающим видам»?

— Похоже, интеллигент действительно исчезает. Интеллигенция в Польше играла, можно сказать, заместительную роль. На Западе существовало третье сословие со своими обычаями, своей силой, своей политической ролью, а у нас его, собственно говоря, не было. Города были довольно чуждым организмом, привитым на тело Речи Посполитой. В XIX веке интеллигенция как бы получила наследство от мифологизированной шляхты, да частично она и происходила из шляхты.

Теперь интеллигенция уступает место таким профессиям, о существовании которых раньше и не снилось. Классический новый тип — это бизнесмен. Вопрос только в том, создает ли этот бизнесмен новый кодекс поведения, новые обычаи.

Подозреваю, что сегодняшний бизнесмен смотрит американские фильмы и, может быть, кое-что читает. В результате его модели поведения — весьма смешанные, «беспородные».

Может, я ошибаюсь, и, может, уже у первого поколения наших бизнесменов устремления и культура связаны с традициями польской интеллигенции. Так или иначе, но самому интеллигенту, на мой взгляд, сегодня мало что есть сказать. Слабеют связи между отдельными группами интеллигентов, раньше объединявшие врачей, юристов, инженеров, ученых, художников.

Отдельные группы движутся каждая в каком-то своем направлении, и все тонет среди других групп, которые сегодня, можно сказать, захватывают власть. Журналисты, политики, телевизионщики навязывают новые модели.

— Вы назвали их «беспородными». А может, они зато здоровые? Как вы себя чувствуете в таком мире, где действуют «беспородные» модели, но зато есть определенная бодрость? Своим или чужаком?

— Это зависит от результатов, которые дает «бодрость». Если она заводит в такие политические ситуации, какие мы сейчас наблюдаем вокруг себя, то я чувствую себя внутри них худо.

Говоря о «беспородности», я имею в виду множество разных мнимостей. Фиктивные названия политических партий, фиктивные функции отдельных политиков... Не знаю, вытекает ли фиктивность из этой «беспородности», но подозреваю, что отчасти да.

Отсутствие укорененности, отсутствие точек опоры, отсутствие непрерывности в одной области приводит к тому, что размывается смысл отдельных слов и в других областях.

— Довелось ли вам когда-нибудь ощутить такую чужеродность мира, что вы усомнились в его смысле?

— Пожалуй, никогда, потому что как там мир катится, так и катится, но к чему-то он наверняка устремлен и, несмотря ни на что, его постоянная эволюция — это факт. Хотя на любом ли этапе это счастливый факт, я не знаю — или, точнее, знаю, что нет, не на любом.

— Существуют ли, однако, такие участки современности, где, по вашему мнению, как раз и лежит надежда на спасение от мнимости мира?

— Думаю, что надежда — в отдельных людях. Начиная с самых младших, у которых не раз видишь, что они способны воистину бескорыстно стремиться к чему-то и пытаться воплотить ценности в жизнь, и кончая весьма выдающимися мыслителями. Ощущение, что можно довериться чьей-то мысли, оторванной от непосредственной корысти и действительно стремящейся проникнуть в самую гущу, в самое сердце действительности, — это ощущение не позволяет надежде отмирать.

Я считаю, что мир достаточно ужасен, но от полного погружения в ужас его постоянно спасают прекрасные проблески. Я глубоко верю Норвиду, когда он говорит, что все минет, но две вещи останутся — поэзия и доброта.

Во 2-м/2000 номере «Новой Польши» был ошибочно озаглавлен репортаж о выступлении А.Вайды в Варшавском университете. Материал должен быть озаглавлен: «Анджей Вайда отвечает на вопросы Ирины Завиши и слушателей». За ошибку мы приносим извинения автору и читателям.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

- Л. Бальцеревич:** Существует ли третий путь
И. Бродский: Польша
Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?
А. Липатов: Трудное соседство
Наши люди: сестра Хмелевская
А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?
С. Ларин: О Рышарде Капусцинском
Р. Капусцинский: Неизвестная глава из известной книги
„101 путь выхода из коммунизма”. Дискуссия **Дарендорфа, Скидельского,**
Бжезинского, Кон-Бендита с Гавелом,
Кишем, Мазовецким, Смоляром, Михником.
Е. Стемповский: Поляки у Достоевского
Я. Видацкий: О Юлиуше Мерошевском
И. Славич: «Контра» и ее автор Юзеф Мацкевич
А. Шиманский: Сруль из Любартова
П. Мицнер: О субкультурах молодежи
Рышард Пшибыльский: О Бродском, Ахматовой, Мандельштаме
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с
Е. Помяновским, Ю. Тишнером, Л. Колаковским,
Б. Скаргой, Г. Херлинг-Грудзинским и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

- Вата, Милоша, Стахуры, Шимборской, Твардовского** и др.
в переводах
Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого и др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи об издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGOODNIK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений зарубежных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
00-973 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374